

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗАПИСКИ

Журнал русской литературы

КНИГА СОРОК СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений СТЕПАНОВ. **От редакции** 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Ольга ИВАНОВА. **Шутки в сторону**. Стихотворения 4
Любовь БЕРЁЗКИНА. **День за днем**. Стихотворения 12
Евгений СТЕПАНОВ. **Сквозь холода**. Стихотворения 19
Глеб ГАВРИЛОВ. **Групповой портрет на фоне городского пейзажа**. Фрагмент романа 26
Леонид КОРНИЕНКО. **Кармен и Нефертити**. Рассказ 30

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Нильс ХАВ. **Поиски истины**. Стихотворения
Перевела с датского Елена МОРДОВИНА 36
Сону САИНИ. **От переводчика** 40
Ванши МАХЕШВАРИ. **Корона**. Стихотворения
Перевел с хинди Сону САИНИ 41

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **Духовные пути русского слова** 48

ШТУДИИ

Борис МИХИН. **Ангелы и звезды. Марина Цветаева, Евгений Рейн и Александра Крючкова**. Эссе 60

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Ян ПРОБШТЕЙН. **О «Книге часов» и «Благодарении жилищу» У. Х. Одена** ... 64
Уистен Хью ОДЕН. Стихотворения
Перевел с английского Ян ПРОБШТЕЙН 71

РЕЦЕНЗИИ

Михаил Зуев, **«Грустная песня про Ванчукова»** (Анастасия ПОПОВА) 89
Ирина Голубева, **«Колыбельная сентябрю»** (Полина ГОРОДЕЦКАЯ) 91
Лео Бутнару, **«Будда и полицейский»** (Ольга ЕФИМОВА) 92
Саша Кругосветов, **«Счастье Кандида»** (Евгений КРАПИВИН) 94
Коротко об авторах 96

май, 2022

ЖУРНАЛ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»
(Генеральный директор Евгений СТЕПАНОВ)

Главный редактор
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Редакционная коллегия

Людмила АГЕЕВА (Германия)
Борис ВАЙНБЛАТ (Германия)
Лилия ГАЗИЗОВА (Россия)
Андрей ГРИЦМАН (США)
Вера ЗУБАРЕВА (США)
Семён КАМИНСКИЙ (США)
Наталья КРОФТС (Австралия)
Евгений СТЕПАНОВ (Россия)

Компьютерная верстка
Ирина РАКИТИНА

Контакты

Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зарубежные записки»
Степанову Евгению Викторовичу
Тел. в Москве: (495) 978 62 75
Сайт журнала: <http://z-zapiski.ru>
Эл. адрес редакции: stepanovev@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы живем в трагическое время. Свистят пули, стреляют пушки... Гибнут люди.

Я не знаю, как остановить то, что происходит. Но я молюсь о мире, молюсь, чтобы было как можно меньше жертв.

И мы продолжаем работать. Печатать стихи и прозу, статьи и рецензии. Останавливаться в работе нельзя.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

ШУТКИ В СТОРОНУ

дискурс

*всё, что сбыться могло —
наповал убивало
но и это прошло
словно и не бывало*

жизнь лупила в табло
и шаблоны ломала,
но горела — *светло...*
инвалиды, алло!
разве этого мало?

конверт

хоть вольера и занята
да и вера — уже не та
[что до профита — не обрós,
и не париться — не вопрос]

шутки в сторону, соловей
легше дышится да [т]резвей
отвещается за базар
в этой одури лучезар...

и нелепица — а стократ
лепше лепится вертоград
с этой «розочкой» озорной
вкупе с музычкой козырной

нелюдимо, к плечу плечом
всё едино — о ком/о чём
о безмерности в мире мер
да о верности, например

[quid est verita, игемон...]
лейся, песня, играй, гормон
в этом томике заперта —
**всяко в домике —
сирота**

* * *

не разумея ху из ху, с календаря
за слоем слой, как шелуху, пообдеря
будней и празднований злую круговерть
кура гангрену и мучительную смерть

как это водится — пока ещё топчусь
во избежание обуздывая чувств
нелегитимных и непрошенных музык
силлаботоники *етить его* язык —

а штобыдабы в толчее белковых тел
о вродевыходе в натуре не бухтел
рептильным рэпером с эстрады мозжечка...
*короче, доброе, камрады!
с днём сурка!

несмеяна

во экстазе неслиянна
[хоть её озолоти]
имя шельме — несмеяна
жало смерти — во плоти

не застеливай постельку
шаловливую рукой
теребя её бретельку
[будто в бурях есть покой]

занавесив занавестки
шняги нежные гоня
тема смерти — на повестке
назревающего дня

вороша шмотья ошмётки —
не дошаришь до души
не смеси ея подмётки
и подмости не смеси

три стихотворения Веронике Долиной

1. к душе

скока за поля ни рули
с полотна а-ля сомали
скока ни скули, суликó
небо от земли – далеко

видимо, была в небеса
взлётная мала полоса
ни тебе алло, ни бесá
гдеже было Сло- — **словеса**

имже и внимающий — глух
мимо кассы — голос и слух
[всё ещё жужжи — не жужжи
о так называемой жи-]

2. память

*усталость преодолевая
ища пенсне или ключи*
переживи, душа живая
переплыви переплывая
перешагни, перескочи

навроде новенького ноя
[когда иного не дано] —
её болото ледяное
её надёжное, двойное
её резиновое дно

нехай и дело говорит,
и говорок её заборист —
да над царями не царит
её рептильный фаворит,
её властительный аорист!

3. путь

греби и ты, кусая удила,
в свой мезозой, пока не огребла,
кидая перепончаты крыла —

вслед уходящих по небу натур
[пишите письма, трегеры культур],
неизреченных их колоратур —

уже не птичь, а вдоль и поперёчь
как надо, птеродактилева речь
журчи и ты, родная, саундтречь

вокабулы в работу не беря
вне фабулы, помимо словаря
от фонаря
в ангаре января

ноктюрн

эвридикина клятая думка
мирозданья неслабый брейк-данс
куры уникама-межеумка
ну и весь остальной декаданс

где сморгнув купидонову náпасть
искривимши мучительно рот
амфибрахий звучит как анапест
и ровнёхонько наоборот

Люде Секацкой

Перешагни, перескочи...

Ходасевич

где голова снята под нуль,
но делова́ — как секретарша,
минуя май, июнь, июль
под бэк-вокал словесных пуль
и траблы траурного марша

[пушай слышнее с каждым днём
его медляк минор-бемольный],
переиграем — и шагнём
двуглавым шахматным конём —
в расстрельный список
[зимний... смольный...]

Лене Лапшиной

*и башня — чтоб почувствовать: ты вошь
и пашня — чтоб почувствовать: тымышь
и бездна — чтоб почувствовать: ты меж
однако же — вживаешься, живёшь,
лиственной инакомыслия шумишь —
да ничего с собою не возьмешь...*

автоэпиграф

ни сизой голубки
ни репки, ни рыбки
ни мёчт о яйце золотом
скорлупки, скорлупки
и скрепки, и скрыпки
а смыслы? — а смыслы — потом

риторикой — гулкой,
моторикой — мелкой,
покедова не перемрут,
по жизни гложа́
саблезубою белкой
их чистый етить изумруд,

нехай и наляжешь —
вовек не догложешь
глядишь — и рукою махнёшь
на хлеб не намажешь
в карман не положишь
с поклажею не умыкнёшь

* * *

до свидания, куры да каверзы
ожидания реверсы-аверсы
да [в обиду, как в башенку, заперты]
разудáлые с виду гекзаметры!

[говоря о земшаре — без адреса:
стопудово прошарена матрица]
алтари на крови, до нескорого!
вечный третий в любви — это здорово

и поболе [на веру не примете?]
в эту парочку — нео и тринити —
что твоя иваси, понапиханы
не считая питбуля да пифии

да квохтáние птичье яндекса
да лихое двуличие януса
поживей кровоток от которово
[*вечный зов* — это такожде здорово]

девятí полуночные каверы
взаперти одиночные камеры
[имя, имя, сестра! — не, не время, сестра]
до бонжура — помимо периметра!

* * *

в Божьи уши вжик да вжик
брось, игрушечный таджик
беспонтовую лопатку
на минутку отложи-к

не по делу, сирота
та святая борзота
бурямглоюнебокроет
отворяй-ка ворота

потепление — гонёж
[отопление — оно ж]
не ходи к нам, тётя грета
[этак вовсе не уснёшь]

в чистом поле теремок
[потеряться под шумок]
да на деле, знамо дело
на двері — резной замок

перво-наперво — дрова
пассатижи — это два
тока лялька буйновата
да и люлька малова...

молвит ворон: «воронок»
молвит ворон-воронок
«это родина, сынок»
под луной ничто не ново
[уплывая из-под ног]

топай, маленький, домой
не без удали немой
мимо тёщиного дома
нескончаемой зимой

* * *

нынче ветрено, и греча с карантинном
и не время раздеваться-одеваться
бо не хлебом и не зрелищем единым
и не следовало в ливию соваться

что до благ [и монетарных и носильных] —
то и тут уже меняется картина
нету нонеча ни слабых и ни сильных
все равны, не исключая гарантіна

не утрирую, влиятельные лица
сроду наши не сдаются, мне сдаётся
гречу лопать да Создателю молиться —
тока это, господа, и остаётся

да ночное пришепётыванье литер
да согласное жужжанье френдоленты
[что до метео — в немилости и ветер
овевая океаны-континенты]

равнобедренно поэтому бабульке
утекая берегами индигирки
подгоняя тебе, плахов, эти мульки
чи черкая тебе, прóвин, эти чирки

[даже думать о маржé — себе дороже] —
подняла ли [проезжая половину]
зеленьлавра-доходящую-додрожи
vitunovi, до поры неуловиму

из цикла «ДЕКАЛОГ»

ИвТ

6.

*Пока дети вавилонские, т. е. помыслы злые,
еще младенцы, должно разбивать и сокрушать
их о камень, который есть Христос*

Преп. Серафим Саровский

нехай лебедину лихую песнь,
в чернильной нощи филбня,
всю эту свежесть и эту веснь
вдыхая, дщи вавилбня,

как в пубертате, душа пот —
да собственными руками
блажен, иже иметь и разбиёт
младенцы твоя о камень!

7.

с пафосностью ботаника
смыться, как мышь с титаника —
с **будущева-большова**,
сроду уже не женствуюя,
без *своего* — лишенствуюя,
не пожелав — чужова,

мимо жулья наглеюща,
мимо рыжья алеюща,
логова бандерлога
чёрну кидая косточку
с досточки — да на досточку
Богова Декалога...

8.

говорила себе: не укради
но краля и краля и краля
у дитяти — листки из тетради
у икара — кураж и крыла

место мокрое — невидаль эка
[несмотря на размах и разбэг]...
а всего-то хотелось — **feedbacka**
да не в тренде
в эребе
feedback

9.

полгода как отвита́ла
во глади во голубой
и, благо, отклеветала —
бесплотных сравни с тобой

витийствуя чудесато
вожжой подхлестнув талант
на выходе адресата
как надо, лизнув до гланд

потом по стене сползала
поскуливая в кивот
из клятого кинозала
отруливая, и вот —

свернув полигамный роллинг
сглотнув моногамный стоун —
за сей балаганный троллинг
полгода лежу пластом

10.

здрава буди, силлабопаника!
ибо *tabula rasa* паблика —
где уже ни кнута, ни пряника
ни атлантики, ни кораблика

ни бордюра те, ни поребрика
ни фортуны перста облыжного
тока рубрика, тока реплика
в виде литер...
а что до ближнего —

ни раба его ни села его
ни вола его ни осла его
ни того его ни сего его
ни [на выходе] самого его

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

ЧЕЛОВЕК В ОДЕЯЛЕ

Когда перекресток печали
Людьми и трамваями сыт,
Стоит человек в одеяле,
С утра одиноко стоит.

И так день за днем, как заноза,
Пугая детей и собак,
Закутан до самого носа,
Глядит на прохожих чудак.

Немыслимых версий немало
Придумала сходу толпа —
И как объяснить одеяло,
И в чем провинилась судьба.

Галдят, а ему все до лампы.
Но каждое утро, как штык,
Поправ городские эстампы,
Стоит в одеяле мужик.

И вдруг не пришел.

И пропали
Одни за другими дома,
Потом перекресток печали,
Аптека, почтамт и тюрьма,

Прохожие, птицы, собаки
И лужа с водой дождевой.
Лишь солнце чадило, как факел,
И трещины шли от него.

* * *

С. П.

Ни сном, ни ветром — буквой травяной,
скользящей каплей, тишиной дрожащей,
крадущейся, промозглой, грунтовой,
синичьим всплеском в запустелой чаше

на острый край выходит бытие.
Мелькнет крыло, и тонкий воздух срежет
задевшего на свежей колее
предчувствием расставленные мрежи.

И капля разобьется о порог,
и звон ее, прозрачен и огромен,
прокатится во мгле пустых дорог
как светлого несбыточного промельк.

* * *

Бессонница моя, бессмыслица,
Безумица, с тобой вдвоем
Нам не проснуться и не выспаться
Под солнцем, снегом и дождем.

И надвигается знакомое
Предощущение беды
С пустыми темными балконами
В чужие мысли и сады.

И над холодными перилами,
Где прежде надмевался Рим,
Мы говорим в себя с любимыми,
Не прерываясь, говорим.

СТРАННЫЙ СОНЕТ

О. Макоше

По скверной погоде,
где руки замерзнут,
выхожу, погода,
в осеннюю розу

обрывать лепестки,
смотреть сквозь запястье:
вдали, у реки,
ошивается счастье

меж собачьих фекалий,
лежащих веками,

с голыми веками
под первыми снегами,

раздраженное, бледное,
как будто не пообедало.

* * *

Вот и осень почти что, почти,
без пяти, без одной с половиной,
до нее по мосткам перейти
через темный зрачок голубиный

и увидеть, прищурившись, в нем
очертания дома и снега,
и пылающего не огнем,
а лицом и листвой, — человека,

потянуться навстречу ему,
соскользнуть и, хватаясь за воздух,
погружаться в беззвучную тьму,
в молчаливые чуткие звезды,

и заслышав осенний манок,
ни за что не поведать домашним
этот грустью обдавший дымок,
эти вечно горящие башни.

* * *

Брести, брести без остановки,
пока ходьба сладка на вкус,
пока листва без подстраховки
с ветвей не падает без чувств.

Но что бы ни было помимо,
кружения не миновать,
нанизывая кольца дыма
на темную речную гладь,

где на мостках белье светлело
тому назад еще два дня,
и тонкою полоской мела
плыла, как песня, простыня,

и было вопреки приметам
такое чувство, что навек
там полоскальщицы из света
запястья окунают в свет.

* * *

На грани сентября и полусвета,
когда пустые рожицы сквозят,
ни жалобы, ни просьбы, ни совета
нельзя найти и потерять нельзя.

И в шаге между сущим и насущным,
из горнего стремительного рва,
навстречу приближается несущий
еще не прозвучавшие слова,

их тонкий ветер, всполохи, и тени,
высокий снег, синичкины следы,
и сад, встающий утром на колени
в глубокие холодные листы.

* * *

Вода не прикасается к земле,
она кружит и светится, мелькая,
и все ж она в единственном числе
знакомая, незнобкая, живая,

как человек, распавшийся на дождь
и тишину, таящуюся в звуке,
на свет внезапный, музыку и ложь,
бродящую, как призрак, по округе.

И вновь водой пребудет, и волчком
безудержной листвы шероховатой,
и тусклыми оболками зрачков
почти неразличимого заката.

И станет сниться, сдавливая грудь,
как будто беспричинно и безлико,
боясь войти в себя и утонуть
в отсутствие спасительного блика.

БЕЗ СЛОВ

Свет у тебя
в подреберье болит,
что мне расскажешь на ночь? —
Все понимают ее корабли,
движутся из тумана.

Темные песни
без нот и без слов.
Не уходи надолго.
Что же нашли мы: добро или зло,
или друг друга только?

Или над прожитым
утренний снег
розовой ветки горькой,
звезды разбитые, дым из-под век,
желудь, мышиную норку.

Может, за это
теперь нам дано
верить, что путь нескончаем.

Выросло в поле осеннем окно
нежности и печали.

* * *

И человек становится листом,
сухой травой в инее густом,
улыбкой мягкой, спрятанной под шарфом,
и станет всем, что выбрало его:
летающей галкой, елкою кривой,
Марией, у окна сидящей Марфой.

И все отдаст — он выбирает сам,
кому: окну синичьему, вещам,
настенным теням, смерти сокровенной,
в которой нет ни дыма, ни огня,
а только заснеженная стерня,
прижатая к замерзшему колену.

ЛАЗАРЬ

Надежно обвивают пелены,
дышать в них трудно — это ли дыханье
прошло сквозь грудь и вышло со спины,
не повреждая погребальной ткани,
и громкий ветер вновь обрел свой дом
под ребрами Того, кто есть и будет?

Мне ветер протрубил, что смерти нет,
но снилось ясно: я болел и умер,
соседский пригодился табурет,
чтоб два — под гроб — их получилось в сумме,
за окнами лил дождь во сне моем,
и Марфа с кухни приносила студень.

Но по ночам я мерз в гробу один,
на третий день приехала Мария
и вещи раздавала на помин
в какой-то непонятной эйфории,
и похороны задержались по
финансовым причинам и бумажным.

На день четвертый стало мне смешно,
хотелось есть, чесался подбородок,
а также — встать и выглянуть в окно,
с злорадным любопытством нищегорода,
на братскую друг к другу нелюбовь
и на отшибе дом пятиэтажный.

Но кто-то гаркнул в ухо: выйди вон!!
И я вскочил, как в щель меж поездами —
Господь, каким ужасным был мой сон!
Сестрицы обнимают со слезами,
я перемерз, и голоден, и жалок,
но жив среди оливковых садов,

миндальных рощ и виноградных склонов,
какое счастье в дом войти к себе
и позабыть про город задымленный,
где воркованье адских голубей
в мозгу моем настойчиво звучало,
перемежаясь клацаньем часов.

Я видел ад, я адский говор слышал,
пока не пробудился в полутьме,
оставленный смердеть в холодной нише, —
я был как брат разгулу и чуме,
и сестры относились хуже мачех
ко мне, то насмехаясь, то грубя,
всяк норовил толкнуть и одурачить,

и, Господи, я умер без Тебя.

ЭЛЕГИИ

1

Пустынный взгляд пересекает птица
и создает оконный переплет
в стене глухой меж небом и землею.

Два действия, меняющих пространство,
две жизни в неизбежном столкновении
со временем. Что их влечет навстречу,
притягивая звездные спирали
к тому, что существует лишь мгновение?

Воистину ты не познал печали,
пока не посмотрел в свое окно.

2

Деревья наполняются землей,
как будто сны из темной глубины
выходят на поверхность за добычей.

Им тоже страшно ветви протянуть,
почувствовать, как теплое, живое
неумолимо движется по мху.

Потом рука, наполненная небом,
касается шершавого ствола,
и тишину в нем голос обжигает.

Так в дерево заходит человек,
приносит хлеба, разжигает печку,
и говорит— о чем он говорит?..

3

Ты у меня один, я знаю толк
в науке ожидания без края.
Так птице, улетающей на юг,
другая шепчет: ты не возвратишься.

И я могла б любить, но эти ветви,
окутанные сном, мне запрещают.
Они — как будто линии судьбы,
живые реки на моей ладони,
стремительно впадающей в твою,
текут обратно и меня уносят.

Ты видишь, как взлетает желтый лист,
но ты не знаешь — это был мой парус,
и, раздавив случайно скорлупу
ореховую, топишь мой кораблик.

4

Жизнь спряталась под листья и коряги,
забилась в дупла, в теплый мрак расщелин.

Я часто прихожу сюда подумать
о том, что боль не говорит по-русски:
ей насыпаешь семечек, зерна
и шарики из хлебных отрубей
подвешиваешь к веткам, крючковатым
как пальцы деревянных человечков;

найдешь окоченелого жука,
в карман положишь и о нем забудешь,
пройдет зима, но он не оживет,
не вылетит с приветственным жужжаньем,
а будет тлеть и рассыпаться в прах,
как все, чего твои коснулись руки,
возникшие из ветра и песка.

5

И вот уже не первый лист, последний
приобретает вес и очертания,
мгновение спустя он исчезает,
как слабый отзвук самого себя,
как тень его. Откуда эта нежность,
желание согреть листву в ладонях
и защитить, продлить еще немного
ее на грани зрения и тьмы?

Раскрыты двери, и столы накрыты,
безмолвные пиры воспоминаний,
замедленно мелькающих на стенах
без звука и без цвета, без тепла.
Придвинемся поближе к полной чаше,
покуда плоть на светлых струнах внемлет
ночной трубе идущего на приступ,
дыханию любимых на заре.

Евгений СТЕПАНОВ

СКВОЗЬ ХОЛОДА

И СНОВА БРАТ ИДЕТ НА БРАТА

И снова брат идет на брата,
Горят степные ковыли.
Душа персноюю нонграта
Летит с обугленной земли.

Хандрит Майдан, скорбит Мтацминда,
И новый рі(о)к берет разбег.
И улыбается ехидно
Какой-то странный имярек.

*6.08.2005
Киев*

БРАТЬЯ

И что-то говорит Кулеба,
И что-то говорит Лавров.

А небо... Вновь грохочет небо.
Закат багров.

А совесть мучит... Неприкаян,
Убийца ходит среди могил.

И сам не понимает Каин
За что он брата порешил.

15.02.2022

ГОСПОДИ, СПАСИ И СОХРАНИ

В каждого из нас летит снаряд. И сирена воеет, как зверюга.
Бесы очумевшие хотят, чтобы мы калечили друг друга.

Бесы очумевшие хотят, чтобы длилась гибельная драка
И людей косила, как цыплят. В этом нет сомнения. Однако

Теплые и праведные дни, верю, своего дождутся часа.
Господи, спаси и сохрани киевлян и жителей Донбасса...

Господи, спаси и вразуми нас, потомков Евы и Адама.
Бойня между близкими людьми —
страшная немислимая драма.

6.03.2022

СЦЕНАРИИ

Плутарх пишет строки «Моралий».
Пусть пишет мудрейший Плутарх.
Монарх управляет. Регалий достоин хороший монарх.

Актер лицедействует, воин воюет, шпионит шпион.
И каждый награды достоин, ведь делает то, что должен.

Но если актер стал главкомом, монарха рука нетверда,
Пойдет все по очень знакомым сценариям. И не туда.

8.03.2022

ШОССЕ

Катаклизмы, войны, эпидемии...
Почему все это? И за что?
Толком в самой умной академии
Это вам не объяснит никто.

Страшные, большие прегрешения
Мы, похоже, совершаем все.
Если — от бездарности до гения —
Все идем по черному шоссе.

7.03.2022

ЗА ВСЕ ОТВЕЧАЕТ ПОЭТ

война вина моя твоя ли
вой-на мы оба проиграли
война не знает где края
война вина моя моя

27.02.2022

СВЯЗЬ ВИДНА

Речка Стикс, Харон, волна...
Связь видна.

Пандемия и война...
Связь видна.

Хочет мировой злодей
Снизить численность людей.

Шар земной — одна страна.
Связь видна.

7.03.2022

ТАКИЕ ЛЮДИ

Подражаться, дать соседу в нос —
Дурнее нет затеи.
А с молотком на паровоз
Бежать еще глупее.
...О жизни размышлять всерьез
Не могут дуралии.

1.03.2022

НА КРОВИ

Большой правитель — раб
Большой военной базы.
А мировой Генштаб
Вновь отдает приказы.

Ревя тут ни ревя —
Огня повсюду вспышки.
А бизнес на крови
Не знает передышки.

3.03.2022

СОСЕДИ

Последнее дело — ругаться соседям.
В маразм (что крепчает) не надо бы впасть.
А если живешь по соседству с медведем,
То лучше ему не заглядывать в пасть.
...Мы в гости друг к другу теперь не поедим.
Кровавые слезы. Безумье. Напасть.

4.03.2022

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ

Подумал — угодил в тюрьгу.
А что-нибудь сказал — расстрел.
А слушать можно только шнягу,
В которой бес под-нато-рел.

Неужто вновь кровавы реки?
Неужто шар земной — тюрьма?
Неужто в двадцать первом веке
Мы разом — все — сошли с ума?

5.03.2022

ВОЛНА ПОРОЖДАЕТ ВОЛНУ

Волна порождает волну.
Я помню волнение моря.
Война порождает войну,
Войне незаконченной вторя.

Устроен мудрено, хитро
Конвейер событий, но все же
Добро порождает добро.
И в том сомневаться негоже.

5.03.2022

ДВИЖЕНИЕ

Земля кругла, как голова.
А голова, как шар, кругла.

Идут гуськом за мной слова.
А впереди идут дела.

А боль такая, что дотла
Могла бы сжечь. Но не сожгла.

ПИДЖАК

Я приобрел пиджак советского покроя.
Решил его обмыть, купил российский «Брют».
А где же мне купить хотя б чуть-чуть покоя?
По-моему, покой нигде не продают.

Так трудно стало жить. Увы, утратил цель я.
Я приобрел пиджак, но он не нужен мне.
А где же мне купить хотя б чуть-чуть веселья?
Его не продают. И ни в одной стране.

ХОЛОДА

Н.

Холода — ода снегу-и-ветру.
А беда — посвящение. Веру
Укрепляет беда. И скорбя,
И надеясь, живу без тебя.

Непонятна и непостижима
Эта жизнь, что проносится мимо.
Мимо логики, мимо тепла.
Ты ушла. Не ушла, не ушла.

СКВОЗЬ ХОЛОДА

Страдания не навсегда.
А значит, горе не беда.
И я однажды в землю лягу.
Земля утешит бедолагу.
А нынче надо жить, отвагу
Иметь, идя сквозь холода.

ЗОЛА

Я был бурьяном и грибом.
Я был и ханом, и рабом.

Я был сосною-и-смолой.
Я стал золой.

Зола нужна траве, сосне.
Я прожил. И не страшно мне.

Я ПЛАЧУ

Н.

Молчит пустынная квартира...

А время — не всесильный врач.
Не сотвори себе кумира. А сотворил — тогда не плачь.

Я плачу. Ты ушла так скоро, святая женщина моя.
И рухнула, как столб, опора судьбы моей, житья-бытья.

Что делать? С головой в работу уйти? Но разве цель видна?
Что делать горе-стихоплету? А тут еще война. Война...

ЗАДАЧА

Н.

Мне главную задачу
Решить не по плечу.
Все плачу я и плачу
И по счетам плачу.
Не воскресить... Задачу
Решить не по плечу.

ГОРЕ

Н.

Я плачу, скрюченный в дугу.
Сжигаю прошлую листву.
Я без тебя жить не могу.
Но я живу.

2022

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ГОРОДСКОГО ПЕЙЗАЖА

(Фрагмент романа)

Знаешь, Але, вчера ночью, я, против обыкновения, не стал писать твой портрет. Во мне вдруг проснулось непреодолимое желание написать сказку. Да не простую, а познавательную. Наутро она была готова. Я представил, что вначале прочитаю ее тебе, а потом ты прочтешь ее в своем классе на уроке русской литературы или на уроке внеклассного чтения. Я посвятил эту сказку тебе.

Правда, есть одно но. До этого момента я никогда в жизни ничего не писал, тем более, сказок. Письма не в счет. И поэтому не знал, с чего же начать, пока не вспомнил одну из самых любимых своих сказок «Кошка, гулявшая сама по себе» Редьярда Киплинга. Мне ее когда-то давно, еще в детстве, прочитал наш школьный учитель английского языка, переводя с английского на русский прямо с оригинала. Поэтому манерой письма она немного напоминает киплинговскую. Уж извини, я ведь не профессионал. Как получилось, так получилось. Прими ее от меня в подарок, моя бесконечно любимая Але!

СКАЗКА О ЗВУКАХ И СЛОВАХ

А теперь, детки, сядем в круг и послушаем сказку. Чур, слушать внимательно! Я расскажу вам о том, как возникли на свете слова.

Было это давным-давно, так давно, что не только ваши папы и мамы, но и дедушки с бабушками, даже прадедушки с прабабушками не смогут вспомнить, когда это было. И только прапрадедушки и прапрабабушки, возможно, вспомнят, что их дедушек и бабушек в это время еще точно не было на свете.

В те далекие времена Человек еще не умел говорить. Он целыми днями бродил молча в поисках пропитания, охотился на мамонтов и уныло смотрел на окружающий мир своими печальными глазами, а потом, устав, закрывал их и погружался в долгий сон.

Не только Человек, но и все Звери на Земле молчали, и Рыбы молчали, а Насекомые так сильно молчали, что даже не открывали рта.

Тем не менее, вокруг гуляло неисчислимое количество самых разнообразных Звуков. Они то собирались в стада, и тогда образовывались самые невероятные звукосочетания, больше похожие на какофонию, то вновь разлетались кто куда. При этом звучал каждый из них по-своему и был абсолютно не похож ни на одного из собратьев, обладал характерной внешностью в виде Буквы, а каждая буква имела собственное имя. Поэтому Звери и Человек постоянно спотыкались о Буквы, а бедные Рыбы то и дело попадались на удочки-хвостики Букв-рыболовов «Щ» и «Ц». От такой неразберихи над землей стоял постоянный гул, звон и шипение, так что даже ночью заснуть было нелегко. И, чтобы хоть немного поспать, Человек вынужден был закрывать не только глаза, но и уши.

Но в целом это были хорошие Звуки. И хотя они иногда спорили между собой, кто из них главнее, но потом обязательно помирились. Поэтому звон никогда не переходил в визг.

И кто знает, может быть, они до сих пор бродили бы так по белу свету, если бы не появились однажды на Земле лютые враги Звуков Ошибки. А прирученные ими дикие хищники Описки очень любили лакомиться Буквами. Ошибки с Описками были черными, грязными и очень злыми. Поскольку на земле у них не оказалось врагов, то они начали быстро размножаться, и их с каждым днем становилось все больше и больше. Ошибки с Описками стали гоняться за Звуками, бить и кусать их, а некоторых даже съели, отчего уцелевшие Твердый и Мягкий Знаки до сих пор не имеют собственного Звука.

Звуки бросились за помощью. Побежали к Зверям. Но те, даже не дослушав, презрительно отвернулись от них. Какой прок от этих беспокойных букв с их звуками, ведь они такие маленькие, тощие и невкусные? И хищники вновь отправились в леса и джунгли молча ловить более подходящую дичь. Верблюд вообще неизвестно почему разозлился и оплевал их, а Крот, не зная, как от них отвязаться, просто зарылся в землю.

Тогда Звуки бросились к реке просить защиты у Рыб. Но те, высунув из воды свои большие пучеглазые головы, только молча открывали рты, грозя им плавниками. Звукам даже показалось, что они втихомолку над ними насмеваются. Ах, как пожалели Звуки, что раньше позволяли своим товарищам, Буквам-рыболовам, вылавливать всех этих рыб.

Вконец запуганные Звуки спрятались в чаще леса, забрались в большое дупло старого дуба и стали держать совет, что им делать дальше. При этом никто не слушал своего товарища по несчастью, каждый норовил отстоять собственную точку зрения и орал что есть мочи, чтобы перекричать остальных. Поднялся невообразимый шум и гвалт, от которого ветки дуба стали трястись, и с них начали осыпаться желуди. Человек, мирно спавший под дубом, уже привык к постоянному тарараму, устраиваемому бродячими звуками, и уже не обращал на них внимания. Но когда на него посыпались желуди, он проснулся и с удивлением принялся наблюдать за происходящим.

Звуки тоже заметили Человека, на минутку притихли, и тут кто-то из них произнес:

— А что, если попросить помощи у Человека? Вы только посмотрите, какой он большой и сильный! Давайте будем ему служить! А он за это освободит нас от этих безобразных Ошибок и Описок!

На том и порешили. Человеку надоело все время молчать, и он согласился на предложение. Таким образом, он обрел способность издавать звуки, то есть говорить, и письменность. А в благодарность начал долгую и упорную борьбу с коварными и упрямыми Ошибками и Описками. Человек каждой Букве сшил доспехи и объединил в подразделения — Слова и Части речи. А Слова — в более крупные соединения, Предложения. Выковал для них железные защитные правила, и вновь созданное войско новой страны под названием Грамматика дало достойный отпор захватчикам.

Предложения стали верно служить Человеку. И только одна часть речи — Предлог — затаил на него злобу. Дело в том, что когда Человек формировал войско, осталось несколько лишних букв, которым не нашлось места среди Частей речи. Тогда он создал из них отдельное подразделение и назвал его Предлогом, сшил для них новые доспехи и изобрел особые правила.

Предлог был невелик ростом, но чрезвычайно заносчив, обидчив и завистлив. Ему не нравилось, что все Части речи в Предложениях любят и уважают своего создателя. Он сердился на Человека за то, что тот поставил его в зависимость от других Слов, вынужден им прислуживать и не может быть самостоятельным членом Предложения. Предлогу хотелось, чтобы не только от-

дельные Слова, но и все Предложения, входящие в Грамматику, подчинялись только ему. Он всегда ходил насупившись и, задрав кверху нос, презрительно поглядывая на остальные Части речи, всегда был чем-то недоволен и всех поучал, приговаривая:

— Глупые вы, глупые. Куда вы без меня? Посмотрите лучше, как нас много и насколько мы разнообразны. Без нас Предложение и не предложение вовсе, а так — набор бессвязных слов. Один предлог «О» чего стоит!

Услышав свое имя, предлог «О» раздулся от гордости, стал похож на большую сливу и закричал:

— Да, действительно, ведь без меня не обойтись, когда нужно передать, возмущение, восторг или удивление, да и вообще, без предлогов никуда!

— Согласны, согласны! — поддержали предлог «О» предлоги «В», «ДО», «НА». А «БЕЗ» чуть не задохнулся от возмущения, ведь без него действительно невозможно обойтись, куда же без него?

— Какие невоспитанные и самонадеянные эти предлоги, — роптали слова, — хотя нам действительно без них сложно будет. Но все-таки лучше держаться от них подальше.

Но вот однажды, когда все Буквы по своему обыкновению работали, помогая Человеку, а Предлоги, как всегда, вальяжно бродили между Словами, они заметили группку красавиц-Приставок.

Они были легкими и изящными, словно стебельки, прекрасными, как феи, с прелестными серебристыми голосками. Когда они начинали говорить, все вокруг замолкало, а голоса их напоминали журчанье ручейка.

Особенно разволновался предлог «БЕЗ». На него огромное впечатление произвела одна приставка, которая как две капли воды была похожа на него, он почувствовал родственную душу и безумно влюбился в нее, но приставка была несвободной, она принадлежала своему слову — «Безголосый». Но это не остановило влюбленного. Он был очень самонадеянным и грубым. Поэтому, подойдя к девушке, без лишних слов потребовал:

— Эй, Приставка, ты мне понравилась, и я решил жениться на тебе. Сейчас же пошли со мной!

— Нет, Предлог, — отвечала ему красавица-Приставка, — я не пойду за тебя замуж, потому что ты не люб мне. Мне так хорошо жить в Слове, без меня оно потеряет свой смысл и умрет. Кроме того, у меня уже есть жених — добрый молодец Корень. Мы с ним живем бок о бок давно, дружим, я люблю его, и врозь нам не жить.

— Ах, так?! — вскричал уязвленный в самое сердце Предлог. — Ну, тогда я разрушу ваше Слово, украду тебя, и ты все равно будешь моей!

Он схватил Приставку, зажал ей рот, чтобы звонкий голос не привлек внимания других частей Речи, связал девушку, перекинул через плечо и со всех ног бросился бежать в дремучий лес, что рос на высокой горе.

А в том лесу, после поражения в войне с Человеком, зализывали раны, собираясь с силами, омерзительные Ошибки и Описки. Одни из них сидели на земле, другие висели на ветках деревьев. С тех пор, как все Звуко-Буквы ушли под защиту Человека, им стало нечего есть. Поэтому они были невероятно злы, щелкая зубами от холода и голода.

Когда они увидели, что к ним приближается Предлог с Приставкой, то пришли в невероятный восторг. Ошибки стали орать, хлопать в свои грязные, кляксоподобные ладоши, улюлюкать, науськивать на них злощих Описок, подсказывать и похрюкивать от нетерпения. Наконец, Предлог оказался в зоне их досягаемости. Несколько Ошибок и Описок набросились на него, привязали вместе с Приставкой к вертелу, а сами поспешили за хворостом, чтобы поджарить их и съесть. Остальные злодеи, сообразив, что привычный порядок в Предложениях и Словах нарушен, кинулись в наступление. Застав

беззащитные гарнизоны врасплох, захватили Буквы в плен и потащили их к себе в дремучий лес. В ответ Звуки подняли невообразимый шум, гам и вой. Некоторым из них удалось бежать. Они отыскивали Человека, бросились ему в ноги и стали умолять еще раз выволочь их из беды.

Человек в это время упорно трудился. Он учился добывать огонь, делать оружие и посуду, приручал диких животных и разводил домашних, охотился, ловил рыбу, пытался возделывать землю и строить жилища. В процессе работы он всем одушевленным и неодушевленным предметам и явлениям природы давал названия, записывая их в специальную книгу, чтобы не забыть с течением времени.

Вдруг он услышал громкие крики о помощи и увидел, что его верных помощников повязали и куда-то тащат ужасные, отвратительные существа. Естественно, Человек немедленно бросил все свои дела и помчался на выручку. Освободив Звуки с Буквами из плена, он позвал свою верную подружку Стиральную Резинку и с ее помощью вытер все Ошибки и Описки. А затем сдул их с листа бумаги, чтобы они больше никогда не мешали Словам жить в порядке и гармонии. Приставку с Предлогом он тоже освободил и водворил их на положенные им места.

Человек был очень недоволен всем происшедшим, ведь это мешало ему налаживать на Земле нормальную жизнь. Он внимательно осмотрел все свои грамматические подразделения, некоторые Слова привел в порядок, иные переставил местами. А затем удалился и три дня сочинял для них новые Правила жизни. После этого обратился ко всем с речью:

— Многоуважаемые, Звуки и Буквы! Вы видели, к чему может привести глупость, зазнайство, зависть и предательство. Мы, Люди, с этим знакомы давно, а для вас это все вновь. Поэтому я разработал специальный закон под названием «Новые Железные Правила». Если вы будете их неукоснительно соблюдать, то они надежно защитят вас от врагов. Отныне ты, Предлог, перестанешь безобразничать и станешь работать наравне со всеми частями Речи. А за свой поступок понесешь заслуженное наказание: будешь всегда жить один и только издали сможешь наблюдать, как гуляют по Предложениям прекрасная Приставка со своим женихом Корнем. Я хочу, чтобы ты запомнил раз и навсегда — нарушив порядок слов в предложении, или разорвав слова, ты навлечешь на себя и товарищей большую беду. Ведь ужасные Ошибки и Описки только и ждут, когда вы нарушите правила, чтобы напасть и уничтожить вас всех. Будьте бдительны, уважайте и помогайте друг другу, тогда никакой враг вам не страшен! Да будет так во веки веков!

С той поры так и повелось. Предлог всегда живет отдельно от других частей Речи, хотя и работает наравне со всеми жителями страны Грамматики. Красавица Приставка и могучий богатырь Корень каждый день прогуливаются по Предложениям вместе с другими частями речи — Суффиксом и Окончанием. Но как только какой-нибудь нерадивый ученик пытается соединить Предлог с Приставкой, сразу, откуда ни возмись, появляются коварные Ошибки и Описки и тут же набрасываются на беззащитное Предложение.

Вот и сказке конец, а кто слушал молодец. Ребята, вы можете спросить меня, откуда я все это узнал? Да от них же, от Звуков и Букв. А кроме того, вы своими Ошибками и Описками тоже мне многое подсказали. Так и родилась эта сказка.

КАРМЕН И НЕФЕРТИТИ

(Рассказ)

Громадина любого круизного лайнера высотой с 12-этажный дом всегда выглядит вполне надежной крепостью над неподвижной и необозримой гладью океана. Но под ложечкой морского путешественника всегда тлеет тревога, особенно перед наступлением ночи. А вдруг это чувство безопасности сменится острым, как бритва, ужасом при виде растущих из темноты гигантских волн? И тогда возникает желание скорее глянуть за перила и увидеть, как далеко внизу белые ленты пены на небольших маслянистых волнах покорно убегают назад, за корму лайнера. Это успокаивает и действует, как аспирин. Нет, буря вряд ли сможет взять и перевернуть такую громадину...

Такое под силу сделать только ненавистной жене: взять и перевернуть вверх тормашками твою прежнюю жизнь. Вначале прилюдно обвинить тебя во всех смертных грехах: от бесплодия из-за распутной юности до нищенской зарплаты школьного учителя, а потом со скандалом потребовать развода. Хотя и это не становится панацеей. Грозовые раскаты прежних разборок и нападков не утихают. Слежка на улицах, звонки по ночам, выяснение прилюдно каких-то несуразных слухов...

Спасением для меня стали, не поверите, морские круизы, особенно летние. Отпашешь, как папа Карло учебный год, накопишь денег на путевку, доберешься до нужного морского порта, взойдешь на борт 12-этажной громадины и где-нибудь по пути в Азию, вечером, выйдешь на самую верхнюю палубу, сядешь в шезлонг, закутаешься в куртку и смотришь на уходящее за горизонт солнце. Ты один на палубе. Нет здесь никаких школьных проблем и блеклых будней! Не видишь снующей переходами с этажа на этаж и по коридорам громогласной толпы. Нет нужды напрягать мозги и строить дурацкие фразы на английском языке с персоналом или в барах с собеседниками... В груди теплеет, в мозгах светлеет. Булькнувшее из глубин души от прежних семейных мерзопакостей гадливое чувство растворяется в умиротворяющем калейдоскопе имеющихся в памяти ярких и добрых воспоминаний. И как хочется, чтобы ничто не нарушило блаженного одиночества!..

И его мне нарушили. Две особы женского пола.

Я понял это по коротким юбочкам. Остальное на них больше походило на аксессуары трансгендеров. Не обращая на меня внимания, они сели на боковые лавки вдоль перил метров за двадцать сзади от меня и закурили.

— Что за попугаихи? — подумал было я, но невольно обратил внимание на их гладко зачесанные назад волосы. У одной, светловолосой, они были стянуты на затылке в бублик. У другой, черноволосой и кудрявой, непослушные локоны были спрятаны в сеточку. Так делают танцовщицы перед тем, как надеть какой-нибудь головной убор перед выступлением. Значит, они из данс-банды лайнера. Такая сейчас дает концерт на танцполе где-то внизу. Все понятно. Сейчас антракт. Девушки выскочили на самую верхнюю палубу перекурить.

Я отвернулся. И через секунду пожалел. Я услышал глухой удар, вскрик и топот убегающих каблучков. Я резко повернулся. Светловолосая лежала на палубе у скамьи. Черноволосая скрылась за дверь, что-то неся в руке.

Я подбежал к лежавшей. Хватаясь руками за скамью, та пыталась встать. Кровь ручьем текла из разбитых всмятку носа и верхней губы. Я помог ей сесть на скамью. У меня в кармане был пакетик с носовыми платками. Я вытащил несколько, скомкал и приложил светловолосой к ранам на лице.

— Подержи! Я воды принесу.

В туалете я мог раздобыть туалетную бумагу и намочить водой, чтобы смыть кровь. Туалет располагался тут же, на лестничной площадке 12-го этажа. Я распахнул дверь с мужской фигуркой, сделал шаг внутрь и споткнулся о неподвижное тело черноволосой, ничком лежавшее на полу.

Что за дела? Ее что, тоже ударили? Или, может, даже замочили? Вон кровь на полу у головы. И тут я заметил валявшийся у ее ног классический кастет желтого цвета с пятнами крови. Ага! Судя по ране, светловолосую кастетом ударила черноволосая. Потом им же ударили ее! Тут черноволосая шевельнулась и застонала. Я отмотал от рулона туалетной бумаги большую полосу, скомкал и намочил водой из-под крана. Поднял кастет, стер кровь и сунул в карман куртки. Потом посадил на задницу черноволосую и начал обтирать ей лицо. Она мычала и отворачивалась, но глаз не открывала. Удар кастетом ей в лицо был явно очень сильный. Сознание к черноволосой возвращалось медленно. Я выбросил первый окровавленный комок бумаги в унитаз и смыл его. Потом сделал еще два таких. Зачем тратить носовые платки? Один сунул черноволосой в руки и помог ей встать. Второй комок взял в свободную руку. Мы добрались до двери и с трудом вышли наружу, на палубу.

Светловолосая увидела свою врагиню и тут же сделала попытку подняться со скамьи. Напряглась и черноволосая. Я усадил их рядом. Нет, ну что за народ эти особы! Обе сразу потянулись друг к другу, чтобы вцепиться в волосы.

— Кому из вас первой кастет дать, дуры? Чего драться снова лезете? Сами в кровище, а туда же... Дайте хоть морды вам вытру!

Грубо распахивая девиц в разные стороны, я продолжал ругаться и вытирать их заюшенные кровью лица. Те присмирели, тарашась на меня широко открытыми глазами. Язык русский понимают, что ли? Я оттер, насколько было возможно, их лица от крови и сунул каждой по носовому платку, велел заткнуть носы, чтобы не текла кровь.

Теперь, когда кровь была вытерта, я заметил, что их лица мне знакомы. В свою очередь они переглянулись, и светловолосая тихо сказала на русском языке:

— Дядя Лёня, это вы?

Теперь уже вытаращил на них глаза и я. Откуда они меня знают? И вспомнил...

В школе я уже много лет работал учителем географии. Помимо этого, еще вел танцевальный кружок для желающих учеников. Во время учебы в пединституте я танцевал в институтском ансамбле и получил еще дополнительно диплом руководителя школьных танцевальных кружков. Это был хороший приработок! Такая работа с детьми мне даже больше нравилась. Научить их танцевальным движениям, подобрать музыку и придумать танец, разучить его с детьми. И, самое главное, приучить их не бояться глаз зрителей в зале. По себе знал, они тогда пойдут по жизни смелее и увереннее и всегда сумеют преодолевать свои страхи и колебания. В ребенке, при обоюдном полете его тела и духа в танце, проявляются все его душевные качества: положительные и сомнительные, полетные и расчетливые. У особенно способных подопечных я начал различать два вида характера. Первых я окрестил Нефертити. Распахнутые восторженные глаза, искренняя улыбка от неподдельного удовольствия, эдакая широкая удаль в движениях и в поведении как на сцене, так и в репетиционном зале.

Вторые получили имя Кармен. На сцене они никогда не пасли задних. Огненным взором и напором в исполнении танца будоражили зрителя больше, чем сам танец. Ведь танец был для них возможностью произвести на окружающих феерическое впечатление. Но выучив танец, на репетициях начинали работать с ленцой, «в полноги», как говорят танцоры.

Короче, еще в первые годы работы в школе ко мне в кружок пришли две третьеклассницы, вернее, их привели мамы. С заразительной улыбкой и ямочками на щеках светловолосая, как и дочь, мама Нелли, как я потом узнал, родила дочь в шестнадцать лет. Мужа, как я понял, у нее не было. Но, судя по поведению мамы и дочери, были отличные бабушка и дедушка. Молчаливая мама черноволосой Розы была намного старше. Переполненная всякими страхами, держала в ежовых рукавицах и дочь, и мужа. Почему нужно записать дочек-подругек в кружок, объяснила мама Нелли. Как одна, так и другая с утра до вечера могут прыгать и плясать. Но пляшут они, как козы, совершенно неправильно! И с лукавой улыбкой спросила, смогу ли научить их плясать правильно? Я, сам расплываясь в ответной улыбке, утвердительно покивал головой. Мама Розы, поджав губы, сразу ушла. Видимо, она была не в восторге от танцев, но поддавалась на уговоры мужа и мамы Нелли. Мне очень понравилась мама Нелли. Я постарался ее задержать. Она так восторженно и забавно рассказывала о своей дочери, что я заслушался. Но тут в репетиционный зал пришла моя свежее-спеченная жена, и наша беседа прервалась. Короче, через два дня началось обучение танцевальным азам жизнерадостной Нелли и строптивой Розы.

Нелли-Нефертити разучивала движения жадно. Нередко с первого раза не все получалось. Но укладывалось в ее голове упрямо и навсегда. И чем дальше, тем ярче, с искрой, исполнялось. У Розы-Кармен разучивание движений шло дотошно, но с прохладцей и без эмоций. Включала она их, как фонарики, только на сцене в нужный момент.

Танцевали девочки у меня до 8-го класса. С мамой Нелли я всегда с удовольствием встречался на показательных концертах кружка. Маму Розы никогда не видел, только пару раз — ее папу. С моего благословения девочки ушли дальше учиться в культпросветучилище. Было такое учебное заведение в Советском Союзе для детей с задатками массовиков-затейников. Скоро они пропали из моего поля зрения. Позже я случайно узнал, что мама Нелли и родители Розы уехали в США. Значит, и мои лучшие питомцы уехали с ними. Так всегда бывает. Учителя помнят своих лучших питомцев, а те, как водится, если и помнят, то приходят на встречи выпускников редко, а чаще всего — никогда.

— Нелли и Роза? — спросил я, еще сомневаясь.

Те закивали головами.

— В круизной данс-банде вдвоем, значит, работаете? А чего не поделили?

Нелли и Роза переглянулись и опустили головы. Потом взглянули на меня. Их глаза, моих тогдашних лучших питомцев, я хорошо помнил. Распахнутые, с радужкой цвета бирюзы и с точечками по ее краям, глаза Нелли смотрели немного вызывающе и, как всегда, упрямо. Глаза Розы, темно-карие, с красивым разрезом и легкой желтизной в уголках склеры, смотрели надменно, как и раньше. Но за этими знакомыми выражениями в их глазах мне увиделся душевный надлом.

— Ну, чего примолкли? Или нечего рассказать по прошествии стольких лет? Или к своему учителю танцев и географии доверие потеряли?

У обеих опустились плечи и сгорбились спины. Знакомый жест. Тоже из их детства. Когда распекал за фальшь в танце и обман при опозданиях на урок. Тогда, в танцевальном кружке, первой всегда начинала говорить Нелли. Но сейчас, шумно вздохнув, первой нарушила молчание Роза.

— Дядя Лёня! Ты знаешь, мы после культпросвета уехали вместе в Питер. Там и начали свою карьеру. Где только не танцевали! Пока в Америке не попали в данс-банду, гастролировавшую на круизных лайнерах. Пару лет все было хорошо. Ходили в Азию, Латинскую Америку. Потом...

Роза запнулась и глянула на Нелли. Та кивнула головой.

— Потом прежний хореограф внезапно исчез, когда стояли в Гонконге. Продюсер ничего не стал объяснять, а перед отплытием представил нам нового хореографа — Даниила.

Роза замолчала и переглянулась с Нелли. Я понял, что этот хореограф внес в судьбу Розы и Нелли большие проблемы. Какие, им говорить не хотелось. Но я уже был заинтригован такой встречей у черта на куличках с дорогими, чего греха таить, сердцу давними питомцами, что начал задавать наводящие вопросы.

— Хороший он хореограф, грамотный?

— Да!

— Вас всегда примами ставил в постановках?

— Ну, можно сказать, что да.

— По очереди?

— Нет! Обоих сразу!

— Смело. Хотя и выигрышно. Одна — беленькая, другая — черненькая... Да! Предпочтений никому из вас не оказывал?

Мой вопрос вызвал у них замешательство и переглядывание. Ответила, наконец, Нелли

— Мне он предложил выйти за него замуж.

— И вышла?!

— Да. Скоро я забеременела и ушла в декрет. Но место не потеряла. После рождения сына, через восемь месяцев, вернулась обратно в данс-банду.

— А ты, Роза?

И тут обе, как это ни выглядело странно, громко хохотнули в скомканные, в пятнах крови, носовые платки. Роза, морща лоб, сказала:

— А после Нелли я ушла в декрет.

— Да ладно! И кто был твой муж? Кто-то из танцоров?

— Нет! Хореограф Даниил.

Я открыл рот. Нелли и Роза отвели платки от лиц и сардонически засмеялись.

— И вы из-за этого сегодня дрались? — выдавил я из себя.

— Нет! — Роза прикрыла платком вновь побежавшую из носа кровь и продолжила рассказ. — Пока Нелли была в декрете, я забеременела от Даниила, ушла в декрет и родила мальчика... (Роза сделала вздох, похожий на всхлип, и с трудом продолжила.) Как и Нелли, через восемь месяцев вернулась в данс-банду. У Даниила теперь было две жены и двое сыновей. Но шведской семьи у нас не получилось. Даниил изменился. Стал нервным, грубым. Однажды при мне избил Нелли.

— Ничего себе! А за что?

Продолжила Нелли, видя, что Роза вот-вот расплачется.

— Скоро мы узнали, что Даниил не только хореограф, но и наркодилер. По прибытии в какой-нибудь порт в Азии, нас иногда отвозили выступать в рестораны и бары прямо в костюмах. Возвращаясь на лайнер, в них мы проносили пакетики с наркотиками на борт. Даниил ходил потом по нашим каютам, собирал пакетики. У кого оказывалось пакетиков мало, грозил золотым кастетом, бил по щекам и лишал оплаты за выступления. Недавно поступил так и со мной, женой и матерью его сына. Я в бешенстве отказалась больше прятать в костюмах наркотики. Тогда Даниил меня избил. Я пригрозила, что заявлю на него в полицию. Он только посмеялся. А два дня назад, в порту, сдал

подкупленным полицейским не меня, а Розу. Ее в участке избили и изнасиловали (Роза закрыла свободной ладонью глаза). Даниил разыграл перед Розой ее освобождение, привез на лайнер в каюту и сказал по большому секрету, что это я сдала ее полиции. Когда лайнер вышел из порта в океан, Даниил дал Розе свой золотой кастет и велел отомстить мне. Ну, а потом сам ударил, где-то там... и Розу. Вы ее нашли и привели сюда...

Мы помолчали. Я понимал, что этот случай в жизни моих девочек просто так не закончится и задал наивный вопрос.

— А что вам теперь делать?

— А ничего, — меланхолично ответила теперь Роза, вытирая слезы, — Сейчас придет охрана. Нас повяжут. Из данс-банды попрут. Нам уже по тридцать лет. Для танцев старые, и теперь не нужны Даниилу. Убивать не будут, в тюрьму не посадят. Высадят в каком-нибудь порту. Хотя бы денег дал, сволочь, чтобы к нашим мальчикам доехать.

— А у кого они?

— У моей мамы, — сказала Нелли.

— Оба?

— Да. Родители Розы отказались взять на содержание внука.

— Ну и дела! — сказал я и вынул из кармана куртки кастет. — А это куда девать?

— Он из золота, — сказала Нелли. — Выбросьте его за борт, пока охрана не пришла. Чтобы не было лишних проблем.

Совет был дан вовремя. Проводив взглядом летящую вниз блестящую точку и дождавшись еле заметного всплеска в волне далеко внизу, я обернулся и увидел, как из дверей вышли двое секьюрити в белой униформе и направились к нам. Отстранив меня в сторону, они обыскали девиц, переглянулись, потом перевели взгляд в мою сторону. Я ухмыльнулся и демонстративно взял со скамейки один из кровавых комков туалетной бумаги в руки. Это отрезвило охранников. Быть вымазанными в крови и вести окровавленных девиц по коридорам могло быть неправильно истолковано окружающими зеваками. Охранники взяли Нелли и Розу под руки и повели к дверям. Я собрал кровавые комки в кучу и собирался было выбросить их за борт, как вдруг кто-то взял меня за плечо.

Жгучий брюнет с пышной шевелюрой, в цветастой рубашке с короткими рукавами и белых штанах сверлил меня бешеным взглядом и кривил сочный рот, обнажая зуб с золотой фиксой. Я смерил его взглядом и заметил на правой штанине маленькое красное пятнышко. Я понял, что это Даниил, а пятнышко — кровь Розы.

— Чего надо? Это, что ли?

Я протянул ему кровавый комок. Даниил отшатнулся.

— Бери, если надо! Чего отступаешь? Боишься испачкаться? Так ты уже в крови и так вымазан! Вон, гляди, на штанине!.. Ах, да! Тебе кастет нужен! Охранники не нашли, так сам явился искать? Так вот. Он — в океане. Давай, ныряй, доставай! Только позови сначала телевизионщиков! Они новый сериал «Титаника» с тобой снимут. Кроме наркотиков, еще и славу Ди Каприо получишь. Ну, давай, дерзай, сволочь!

Я сделал шаг вперед. Даниил, бледнея, отшатнулся от меня и поспешно скрылся за дверью.

Прошло три года после этой встречи. На школу, где я зарабатывал последний год до долгожданной пенсии, на мое имя пришло письмо из Аргентины. В ней была фотография. Улыбающиеся Роза и Нелли с одинаковыми шрамами на верхней губе сидели, обнявшись, на скамье во дворе красивого и уютного

дома на фоне белоснежных гор. За ними с двух сторон стояли два смеющихся мальчишки, обнимавшие моих бывших подопечных девочек за плечи. Один из них был светловолосый, другой с черными непослушными кудрями. На обороте фотографии была сделана надпись округлым почерком рукой Нелли.

«Дядя Лёня! Спасибо Вам за все! И ЗА СПАСЕНИЕ НАШИХ ДУШ!»

Более мелким каллиграфическим почерком рукой Розы было дописано.

«Дядя Лёня! Это наши мальчишки, Миша и Андрей. Мы живем вместе в этом доме».

И маленькая приписка внизу: «Снимал Даниил».

А еще через пять лет мне, одинокому пенсионеру, на почте вручили большое заказное письмо из США. В круизы я теперь, конечно, не ездил, совсем забыл за ненужностью английский язык. Потому английские буквы на конверте вызвали у меня оторопь. Дома я распечатал конверт и обнаружил пачку бумаг, аккуратно разложенных в четыре файла, пронумерованных в определенном порядке. В первом файле были газетная вырезка на испанском языке с подстрочным переводом на отдельном листке. В статье сообщалось о гибели моих бывших подопечных Розы и Нелли в автомобильной катастрофе. К ним же прилагалась фотография похорон. Два закрытых гроба, перед ними сгорбленный Даниил в черном смокинге и с большой плешью на голове вместо шевелюры. Чуть в стороне, скорбно опустив головы, отчужденно от него стояли подростки Миша и Андрей. Во втором файле была копия из вердикта суда Аргентины, с переводом на отдельном листке, об осуждении Даниила на пожизненное лишение свободы за торговлю кокаином и организацию убийства своих двух бывших жен. Третий файл был с большой фотографией американского флага во главе лужайки, обрамленной пальмами, и за ними далекая вершина горы. На фоне этого пейзажа стояли в ряд пять человек. С разительной улыбкой и ямочками на щеках, в роскошном платье мама Нелли обнимала за плечи светловолосого Мишу. С ними рядом стоял черноволосый Андрей. Оба были одеты в мантии с шарфами золотого цвета, с квадратными академическими шапочками на головах. Так одевались, я знал, выпускники Аризонского университета. Позади Андрея, держась за руки, стояли совсем седые родители Розы. В последнем файле лежал конверт на мое имя с официальным приглашением приехать в гости к маме Нелли и ее внуку Мише, билет на самолет в одну сторону и сообщение о переводе мне через Вестерн-Юнион солидной суммы денег на расходы.

Вечером этого же дня я занялся поиском по интернету репетитора английского, точнее, американского языка. Утром следующего дня, принимая душ, глянул в зеркало на свой начавший расти живот и схватился за голову. После обеда у меня уже был абонемент в тренажерный зал. И впервые за последние два года я отказал себе в посещении любимого пивного бара. Отлет, согласно билету, должен был состояться через 2 месяца. К этому времени мне предстояло привести себя в надлежащий вид для встречи с мамой Нелли. Ну и, конечно, с сыном Нелли.

2022 год

ПОИСКИ ИСТИНЫ

ПРОБЛЕМЫ С СЕРДЦЕМ

Мы говорили о проблемах с сердцем
И внезапной смерти;
Шутили насчет
Картофельных чипсов, вина и сигарет.
Мы ели и пили. Затронули тему слегка,
Поскольку никто и не думал о том,
Что однажды каждый из нас окажется лежащим
В одиночестве на тротуаре или каком-то полу
С видом на шагающие ноги или ножки стула,
Пока кто-то порывисто будет обрывать
Пуговицы с нашей одежды
И звать на помощь.

Нет стыда в том,
Что умираешь на полу,
Поскольку и вовсе не было
Такого намерения.

ЖЕНЩИНЫ КОПЕНГАГЕНА

Снова, в который уж раз, влюбился я
В пятерых разных женщин во время поездки
На сороковом автобусе.
Да и можно ли контролировать свою жизнь
в таких условиях?
На одной была шубка,
на другой — красные веллингтоны.
Одна из них читала газету, другая — Хайдеггера —
А улицы заливало дождем.
На бульваре Амагер вошла промокшая принцесса,
Взвинченная и разъяренная —
и я тут же влюбился в нее.
Но она выскочила возле полицейского участка,
И вместо нее вошли две сирены
в колышущихся платках,
Они резко разговаривали друг с другом
на пакистанском
Всю дорогу до муниципальной больницы —
И автобус готов был вскипеть
от переполнявшей его поэзии.

Они были сестрами, одинаково красивыми,
И обе разрывали мне сердце —
и в то же мгновение я спланировал
Новую жизнь в деревушке под Равалпинди,
Где дети подрастают в ароматах гибискуса,
Пока их отчаявшиеся матери поют разрывающее сердце
песни,
А утки гнездятся на пакистанских равнинах.

Но они не замечали меня!
И та, что в шубке, закричала, поднеся руку в перчатке к губам,
Что ей выходить на улице Фаримагс.
Та, что читала Хайдеггера, внезапно захлопнула книгу
И посмотрела прямо на меня с уничижающей улыбкой,
Как будто внезапно перехватила взгляд
крайне незначительного мистера Никто.
И мое сердце разорвалось в пятый раз,
Когда она встала и вышла из автобуса вместе с остальными.
Жизнь так жестока!
Я продолжал еще две остановки, пока не бросил эту затею.
Всегда заканчивается одинаково: ты стоишь одиноко
На бордюре, посасывая сигарету,
Раненый в сердце и немного несчастный.

АНЕСТЕЗИОЛОГИ ОБСУЖДАЮТ АСТРОНОМИЮ

Анестезиологи обсуждают астрономию,
Поднимаясь в лифте,
Пока пациенты подъезжают на такси,
В сопровождении семьи или без.

Вселенная
Состоит из ста миллиардов галактик.
Если и есть разумные цивилизации
Хотя бы на миллионной доле этих планет,
Мы от них далеко.
Снаружи: холодный дождь,
Декабрь.

У больного,
Сидящего в приемной
Среди потрепанных журналов,
Жизнь которого подвешена на волоске,
Осталась одна-единственная молитва.

КАФЕ «ПУШКИН»

Мы живем сейчас, как в русском романе в стихах,
Написанном Александром Пушкиным.
Мы меняем дорожные знаки,
Но мы нуждаемся,
Спим в одной постели под ворохом одежды,
Когда трещат морозы.
Москва сейчас —
Снова Москва.
И мы прорываемся. Все ложь,
Так же как и в реальности.

Ты мечтаешь украсть автомат
У спящего солдата,
Но солдаты не спят
С тобой всю ночь.
И ты танцуешь всю ночь в кафе «Пушкин»,
Пока я стою в гардеробе
И курю русскую сигарету.
Что остается?
Сейчас тебя зовут Наталья,
И я говорю как настоящий безумец,
Безумец, безумец.

А Пушкин действительно был убит
Ее любовью.

МОЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВТОРУЧКА

Я предпочитаю писать какой-нибудь старой ручкой,
найденной на улице,
Или акционной, с радостью принятой в дар от электриков,
Газовой компании или банка.
Не столько из-за того, что они дешево мне достались,
Сколько потому, что такое заимствование
Наполняет мое письмо индустриальным духом:
Запахом пота квалифицированных рабочих,
административных офисов
И тайной во всех ее смыслах.

Однажды я написал сложную поэму чернильной ручкой —
Чистая поэзия о чистом ничто,
Но теперь мне нравится дерьмо на бумаге, пот и сопли.
Поэзия не для зануд!

Поэма должна быть такой же честной,
как индекс Доу Джонса —
Смесью реальности и абсолютного блефа.
Для чего мы растем такими чувствительными?
Не для многого.

Поэтому я слежу одним глазом за рынком акций
И ценных бумаг. Фондовая биржа —
Это часть реальности — как и поэзия.
И поэтому я так радуюсь этой шариковой ручке
Из банка, которую я нашел одной темной ночью
Перед закрытыми дверями магазина. Она чуть пованивает
Собачьей мочой, но пишет она фантастически.

ОХОТА НА ЯЩЕРИЦ В ТЕМНОТЕ

Во время этих убийств мы шли
Незамеченными вдоль озера.
Ты говорил о Бетховене,
Я разглядывал, как грач
Клюет собачье дерьмо.
Каждый из нас замкнут на себе,
Окружен оболочкой безразличия,
Которая защищает наши предубеждения.

Холисты верят, что бабочка в Гималаях
Одним взмахом крыльев может повлиять на климат
В Антарктике. Быть может, это правда.
Но когда въезжают танки,
А куски плоти и кровь каплями падают с деревьев —
Это неуютно.

Поиски истины — как охота на ящериц
В темноте. Виноград из Южной Африки,
Рис из Пакистана, финики, выращенные в Иране.
Мы поддерживаем идею открытых границ
Для фруктов и овощей,
Но при этом крутим носом,
Когда дело касается черных.
Мертвецы похоронены глубоко в недрах газет,
Поэтому мы, незатронутые, можем сидеть на скамейке,
На окраине рая,
И рассуждать о бабочках.

Перевела с датского Елена МОРДОВИНА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Однажды мне позвонил профессор Варьям Сингх. Он предложил перевести сборник стихотворений поэта Ванши Махешвари, посвященный недавним трагическим событиям, с хинди на русский язык.

Сначала я сомневался. Смогу ли я завершить перевод за такое короткое время? Но когда я прочитал сборник стихов Махешвари о Короне (коронавирусной инфекции), мои глаза наполнились слезами. Я вспомнил о многих печальных событиях, которые произошли во время второй волны ковида (короны) в апреле-мае 2021 года. Именно в это время я потерял самого дорогого друга и самого важного члена семьи в моей жизни — моего отца, который после непродолжительной болезни покинул этот мир.

Прочитав стихи, я почувствовал, как поэт словами, идущими из глубины души, от самого сердца, нарисовал подлинную картину Индии, в виде строк запечатлев ее на страницах бумаги. Всякий раз, когда эти страницы открываются, становится ясно видна история народа Индии в тот тяжелый период — состояние переполненных больниц, потрескавшиеся ступни рабочих, впавшие из-за голода животы безработных и т. д.

При переводе было сделано все возможное, чтобы сохранить первоначальную форму и душу стихотворения. Там же, где не удалось выполнить дословный перевод, с целью более тонкой передачи настроения и атмосферы произведения некоторые слова и понятия с большой осторожностью и бережностью были изменены и адаптированы для лучшего понимания русскоязычными читателями.

Я хотел бы особо поблагодарить профессора Варьяма Сингха, который не только вдохновил и мотивировал сделать данный перевод, но и оказал большое содействие при редактировании перевода. Я также благодарю Ивана Ефремова из России, который помогал в редакции и корректуре. Его ценные советы и помощь еще более приблизили меня к завершению этой непростой работы. Большую признательность я хотел бы передать Свати Матур, которая прочитала переведенную рукопись и дала интересные предложения по улучшению текста.

Особо хочу выразить благодарность автору стихов — поэту Ванши Махешвари, который своим огромным талантом и творческой энергией воплотил чувства и переживания многих и многих индийцев в прекрасных стихах и дал мне согласие на перевод этого сборника на русский язык.

Сону САИНИ

Ванши МАХЕШВАРИ

КОРОНА

КОРОНА — ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Двадцать стихотворений

ОДИН

Горят
Тысячи солнц
В погребальных кострах.

ДВА

Даты
Всякие
В огне обжигались.

Ботинки
Топтали
Цветов букетики.

ТРИ

Крики.
Хаос.

Беспорядок, но
Празднества.

Гривы коня — вечно-победившего —
В подкове застряли.

ЧЕТЫРЕ

Не подчиненность —
Смерть

На похороны свои едет.

ПЯТЬ

Когда жил, бардак
Когда ушел, бардак

Всегда только
Бардак

ШЕСТЬ

Человек спрашивает
Человека

Куда же ушли
Люди.

СЕМЬ

Утешало
Рыдание.

От тел людей
Остались только
Кости.

ВОСЕМЬ

Процеживание трупов
Задерживая последний вздох
Смотрят в небо

Голубой цвет небо
Еще глубже станет

ДЕВЯТЬ

Копали
Могилы земли
Но закапывались сами

В тумане костров погребальных
Хлопьев огни в дыму летящих
Заблудились
Глаза несметные.

Пустые
Шквал слов
В безнадежности

ДЕСЯТЬ

В прерывистое дыхание матери
Уткнулся новорожденный

Умножается еще
Объем нуля.

ОДИННАДЦАТЬ

В фонтанах смеха
Затерялся
Океан слез.

В песке
Затапливали реки.

ДВЕНАДЦАТЬ

Везде в округе
Разбросаны
Дома пустые
Это не Мохенджо-Даро

Это раскопка
Живущих людей.

ТРИНАДЦАТЬ

Проявляющее
Чертовски темно
Со всех сторон

Кусочек
Рассвета
Горит в воздухе.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Все княгиня
Как Маникарника
Закопаны в землю
Маникарники

Ушел и князь
Поддерживавший правду
Раджа Харишчандра.

ПЯТНАДЦАТЬ

В эти дни
Ночь стала такой долгой

Приходит рассвет
Но утро не наступает.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Образ памяти
Умирает
Когда трепещущая смерть
Закрывающиеся глаза
Покрывает.

Именно так
Как утешающие встают и уходят.

СЕМНАДЦАТЬ

Зов смерти
Отделит человека от своих
Возвращается снова и снова,

Просыпается
Темная сцена сна
В мерцающих глазах света.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Постоянными стали
Направления
Скорби
Рыдания

Как падает небо
Падает гора печали

Продолжает падать
Только факты данных.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

В дыхании
Счет дыхания
Такого
Мигает и
Падает
Человек.

ДВАДЦАТЬ

Подсчет трупов
Забыл
Как посчитать

Сочувствие
рифма слов
В играх
Правителей
Потерялось.

КОРОНА — ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕСНА В КОРОНЕ

ОДИН

Из веток поваленных деревьев
Спускается
Весна
На землю
Распространено
Журчание глубокой тишины

Цветок
Усохшие цветут
Озеленение листьев
Заблудился в бреду
Стая крыльев бабочек
Окончено
Грустные птицы плачут
Утонули в тишине
В глазах белок
Мечты дерева разбиты

Весна!
В стаде птиц
Заброшена.

ДВА

Весна
Спускается на землю
По лестнице неба
Кольцевая
Тишина полная криков
Покраснела
Облака, парящие над крышами домов
Полны пятен
Улицы меряющие расстояния

Блуждание по пустыне
В страшных ветрах
Полных немелодичной музыки

В несчастливое время
В безумном состоянии отчаяния
В густой славе несчастья

Весна
Заблудилась в бодрствующих душах мертвых.

ТРИ

Весна
Сидя на пустой скамейке в парке
Потерянная в памяти о тех воспоминаниях
Где бы когда-то
Слышали детский голос везде
Пышный зеленый
В дупле сердце деревьев
У птиц было гнездо

Как много
В улыбках странствующих групп странников
На прохладном ветру
Запах земли распространился
В слезливых глазах синих ветров
Плавает
Неизвестные причуды

Весна
Отражается
В слезящихся глазах

ЧЕТЫРЕ

Страх везде
на земле
Весна
Купается под дождем смерти
Боится
Потери и разлуки с любимыми
В тюрьме дома
Солнце наполняет витражное окно
Покрытый шрамами кусок неба

Двигается с возрастом
Конец тени человека
Не получается видеть глазами
Больница
Пишет рецепт беспощадной новости
Захватывающие дух перерывы

В каменных чучелах
В бодрствующих глазах
Весна!
Превращается в камень.

ПЯТЬ

Это не толпа
А море людей
Это люди, которые построили
Наши дома

Заброшенные их дома
Вызывают из дома
На голове
Пучок жизни
На ногах река язв
Ищут дорогу
Создают дорогу
Группы бедных невинных
Не обращая внимания на мертвое человечество
Шагают дальше.

Весна
В невинных глазах
Беспокоит
Труслив в сострадании.

ШЕСТЬ

Не человек
А цифры умирают

В огромной куче чисел
Гребни ладоней
Ищет
Сострадание

Возмещение
Лежащий в гостях.

Весна!
Взбираясь на стены покинутых людей
В цветах палаша
Прячется.

Перевел с хинди Сону САИНИ

ДУХОВНЫЕ ПУТИ РУССКОГО СЛОВА

(к 170-летию памяти
Николая Васильевича Гоголя)

(«АПОКРИФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ» Н. С. ЛЕСКОВА
О Н. В. ГОГОЛЕ «ПУТИМЕЦ»)

Духовная сторона жизни и творчества Гоголя более полно предстает при исследовании взаимодействий идейно-эстетической системы писателя с художественными мирами продолжателей его традиций.

Одним из наиболее близких классику по духу русских авторов, бесспорно, является Лесков — как и Гоголь, «истинный художник-христианин». Свою религиозно-нравственную позицию Лесков заявлял прямо и недвусмысленно: «я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, а все остальное мне не нужно»¹.

Гоголевское художественное наследие было для Лескова живым вдохновляющим ориентиром. Начиная с ранней публицистики, он постоянно обращался к гоголевским темам, сюжетам, мотивам и образам. Во многом сходными у обоих писателей были принципы художественного изображения, концепция человека и мира. Родство талантов было подмечено уже современниками Лескова: «С Гоголем <...> меня часто сравнивали, — говорил писатель, — но не знаю, достоин ли я этого?» (XI, 385). В то же время он узнавал в Гоголе «родственную душу». Признаваясь в «страсти к Гоголю», Лесков говорил о своей непреходящей увлеченности личностью и творчеством великого классика: «Гоголь — моя давняя болезнь и замороженность». Оба художника слова имели общего небесного покровителя — святителя Николая Чудотворца, угодника Божия. Оба были томимы «духовной жаждою» и искали пути к ее утолению. Оба духом припадали к животворному источнику — Евангелию.

«Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии»², — говорил Гоголь. Солидаризируясь с этой мыслью, Лесков развивал ее: «В Евангелии есть все, даже то, чего нет»³. «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие»⁴, — пророчески утверждал Гоголь, призывая к обновлению всего строя жизни на началах христианства. Лесков также постоянно говорил

1 Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956 — 1958. — Т. 11. — С. 340. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

2 Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 6. — С. 383.

3 Лесков Н. С. Новозаветные евреи (рассказы к стати) // Новь. — 1885. — Т. 1–2. — С. 72.

4 Рукописи Гоголя. Каталог / Сост. Проф. Г. Георгиевский и А. Ромодановская. — М., 1940. — С. 119.

о «важности Евангелия», в котором «сокрыт глубочайший смысл жизни» (XI, 233). «Хорошо прочитанное Евангелие» помогло, по лесковскому признанию, окончательно уяснить, «где истина» (XI, 509). Как и Гоголь, Лесков горячо ратовал за восстановление «духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя» (X, 411).

Соотнесение эстетических миров обоих писателей не раз становилось предметом изучения в отечественном литературоведении и зарубежной славистике⁵, однако проблема по-прежнему нуждается в развернутом представлении и более глубоком уяснении. По справедливому суждению В. А. Воропаева, «гений Гоголя до сих пор остается неизвестным в желаемой полноте»⁶. То же относится к гению Лескова. Более того — лесковский мир не может быть адекватно понят вне связи с этико-эстетическими, религиозно-философскими исканиями Гоголя. Таким образом, в кругу плодотворных научных задач — исследование гоголевских традиций в лесковском творчестве сквозь призму религиозного мирозерцания двух авторов.

Рассказ Лескова «Путимец» (1883), идейно-ценностный центр которого — православная аксиология и антропология, художественно воссоздает облик молодого Гоголя, обнаруживая напряженную внутреннюю жизнь будущего писателя, его пророческий дар, замечательную способность с первого взгляда постигать характер и самую сущность человека, воздействовать словом на самые глубокие струны человеческой души.

Художественный образ Гоголя как литературного персонажа соотносится с духовным обликом Гоголя как реальной личности. Лесковский текст предоставляет широкие возможности «сцепления» с литературно-публицистическим, эпистолярным гоголевским наследием, позволяет восстановить синхронный литературный контекст и его сокровенную сущность — контекст евангельский.

Несмотря на «апокрифичность», демонстративно подчеркнутую подзаголовком, в рассказе проявляется установка на достоверность как жанровый признак лесковских произведений. Сам автор, передавая сказание «из пятых уст», добивается художественного впечатления правдивости описываемых событий. В свидетельство их вероятности Лесков с кропотливой тщательностью воспроизводит цепочку достаточно надежных источников устного предания. Исходное звено в этой цепи — родственник «малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта — Черныша», «который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее» (XI, 45).

По внутреннему убеждению автора, эта легенда «о гениальном юноше» вполне соответствует духовной сущности Гоголя, поэтому в «устном рассказе, касающемся юношества поэта», писатель ощущает «что-то живое, что-то во всяком случае как будто не целиком выдуманное», что «необходимо сбегать, хотя бы даже как басню, сочиненную о крупном человеке людьми, которые его любили» (XI, 45). В их кругу — несомненно, сам Лесков. Ему важно в рассказе о Гоголе прояснить собственную антропологическую концепцию, в основных чертах совпадающую с гоголевской. Суть ее — новозаветное преобразование человека и мира на путях ко Христу, сказавшему: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Именно евангельский контекст определяет семантику заглавия рассказа «Путимец» (как известно, Лесков придавал чрезвычайное значение названиям своих творений; любил, чтобы «кличка была по шерсти»). Поэтика заглавия проявляет себя в тексте рассказа множеством семантико-стилистических от-

5 См., например: Edgerton William B. *Leskov and Gogol. — American contribution to the ninth international congress of Slavists. — Kiev, September 1983. — New-York, 1983. — Vol. II. — P. 135–147.*

6 См.: Воропаев В. А. *Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. — М.: Паломник, 2008.*

тенков. В то же время концепт «Путь» в его высоком новозаветном значении становится сверхсмыслом и идейно-художественной доминантой произведения. В подтексте «Путимца» задан христианский вектор: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым <...> идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35: 8). Это магистральное направление, указанное в Библии, отразилось и в русской фольклорно-поэтической традиции: «Призывай Бога на помощь, а святого Николая в путь», «За Богом пойдешь, добрый путь найдешь», «Нужный путь Бог правит», «Бог пути кажет».

Экспозиция рассказа представляет собой своего рода религиозно-философскую увертюру, предвещающую кульминацию — духовное обновление человека на пути к Богу.

Молодой Гоголь с первых страниц повествования — в пути — в прямом и метафорическом смысле. В этом плане он тоже «путимец». Образ вечного путника, каким видел себя писатель, хранит вся его переписка — от ранней юности до зрелости. Будучи юношей, в 1827 году он писал своему другу Г. И. Высоцкому: «в глубоком раздумье стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее»⁷. «От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду<...> совершилось все это не без воли Божией» (7, 284–285), — признавался Гоголь двадцать лет спустя — в январе 1847 года — С. Т. Аксакову. «Вот уж скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступивший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще» (7, 321), — писал Гоголь В. А. Жуковскому.

В лесковском рассказе дорожный спор двух друзей-попутчиков об особенностях человеческой природы, сокровенных глубинах души, в которой одинаково возможны и грехопадение, и духовно-нравственное восстановление, выполняет функцию проспекции, предвещая основные события. Гоголь горячо выступает в защиту русского человека, «русской удали», отрицает националистическую узость, не разделяет «крайностей малороссийской нетерпимости» (XI, 47) к «кацапам». Заведя беседу «о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом», герой рассказа восклицает: «великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь — и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. "Душа нараспашку..." Совсем другое!» (XI, 47).

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь подробно объясняет для постижения русской природы, чтобы уяснить «себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши <...>, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще» (6, 416); «занятием моим стал <...> человек и душа человека вообще» (6, 418).

Стремление к познанию человеческой души привело Гоголя к самопознанию и Богопознанию: «О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой» (7, 323). Неизбежное следствие самопознания — самовоспитание: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей» (6, 304). Писатель указывает путь к уяснению сложных духовных вопросов: «Найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим же ключом отопрешь души всех»; необходимо «покрепче всматриваться в душу человека, зная, что в ней ключ всего» (6, 303–304).

Основополагающий «ключ всего» Гоголь нашел в Боге: «Все, где только выразалось познание людей, от исповеди светского человека до исповеди ана-

⁷ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 7. — С. 35. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

хорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в *Нем ключ к душе человека* <выделено мной. — **А. Н.**> и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» (6, 416–417). Исследуя и изображая жизнь, писатель «не совращался с своего пути» (6, 418) и закономерно «пришел к Тому, Кто есть источник жизни <...>, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу» (6, 419).

Гоголь размышлял о действии Высшего Промысла в его писательской судьбе: «были такие обстоятельства, <...> которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека» (6, 427); «крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления» (7, 324).

Важно подчеркнуть, что обостренное стремление разгадать человека владели Гоголем сызмала: «От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его» (6, 419); «жажда знать душу человека так томила меня постоянно от дней моей юности» (6, 427); «прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над *душой человеческой*» (7, 323).

Историю раннего духовного и идейно-эстетического развития писателя подтверждает его эпистолярное наследие. Уже в первых письмах из Нежинской гимназии, адресованных «дражайшим папеньке и маменьке», 15-летний Гоголь осознает себя взрослым и ответственным человеком: «Как будто бы еще о сю пору я еще ребенок и еще не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положить» (7, 28–29), — с укором обращался он к родителям, угадав их желание оградить сына от тревог. «Но как много еще и от меня закрыто тайною и я с нетерпением желаю вздернуть таинственный покров» (7, 53), — писал он матери в первые дни пребывания в Петербурге.

Впоследствии автор «Ревизора» и «Мертвых душ» в письме С. Т. Аксакову признавался: «внутренно я не изменялся в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатался и не колебался никогда во мнениях главных <...> шел далее своей дорогой; и точно Бог помогал мне <...> И теперь я могу сказать, что в существе своем все тот же, хотя, может быть, избавился только от многого мешавшего мне на моем пути» (7, 239–240).

Таким образом, Лесков — автор «апокрифического рассказа о Гоголе» — нисколько не погрешил против истины, отмечая в личности своего юного героя черты прозорливого и вдумчивого «душеведа»-христианина.

В полемике со своим приятелем — «пылким малороссийским патриотом» (XI, 48), твердившем про «кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее» (XI, 48), Гоголь настаивал, что «великоросс мог подать большие против малорусса надежды для успехов душевной, нравственной воспитанности» (XI, 48); выражал горячее убеждение в способности падшей человеческой природы к быстрому духовно-нравственному возрождению: «все, что тебе еще угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них все-таки то дорого, что им все дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь — как он уже и перекинется, — и пречудесный» (XI, 49). Будущий писатель, с жаром отстаивая свою позицию, будто прозревает близкую встречу в дороге именно с таким человеком, в судьбе которого подтвердится справедливость его суждений о возможности взлета падшей души.

Дар предвидения, которым был наделен Гоголь, не укрылся ни от него самого, ни от окружающих. «К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем» (7, 33); «какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие

вошло в грудь мою» (7, 47); «тайное какое-то предчувствие мне предрекает» (7, 56), — делился он с родными в ранних письмах. Еще в лицее была замечена незаурядная пронизательность Гоголя: «Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей» (6, 412).

Дар духовного проникновения явил молодой Гоголь и в лесковском рассказе.

Случай к тому — важная составляющая концепции «сюрпризов и случайностей» русской жизни в творчестве Лескова — не замедлил. Гоголь и его спутник встретили хозяина постоянного двора. С виду благообразный старик поначалу восхитил Гоголя своей русской красотой: «точно Гостомысл!» (XI, 53). На распросы, откуда он родом, полулегендарный «Гостомысл» ответил однословно: «путимец» (XI, 54).

Это редкостное слово нельзя отыскать в словарях. Оно не встречается даже в авторитетнейшем источнике — «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. В то же время Лескову оно было хорошо известно: Путимец — название большого старинного села к югу от Орла. «В литературе меня считают орловцем», — не без гордости говорил писатель. И, думается, не случайно в связи с этим в «апокрифическом рассказе» Лесков соединяет для себя самое заветное — свою малую Родину, Орловщину, и своего любимого русского классика. Писатель упоминает о живом интересе Гоголя к великорусскому, именно — орловскому — фольклору, образцы которого ему представляла в доме друзей «няня — давняя знакомая Гоголя, орловка, понятливая, умная и с поэтическими замашками. Гоголь не раз выпрашивал у нее, чтобы она диктовала ему орловские прибаутки и песенки, и записывал их» (XI, 58).

Не удивительно, что необычное русское слово, услышанное в дороге, поразило чуткий слух Гоголя и «страсть как понравилось» ему. Будущий писатель, точно «смакуя», принялся его толковать, разбирая этимологию, вслушиваясь в звучание: «"Путимец"! "Путимцы"! — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них все это кстати. Не намеренно, но кстати: человек «путимский», и вот он сел и сидит *при пути*, и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а проедем людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При путях сидят "путимцы". Честное слово — это прекрасно!» (XI, 54–55).

«Не судите по наружности, но судите судом праведным», — учит заповедь. Так, почтенный вид Путимца обманчив. Он сидит не для услужения путникам «при пути», а наоборот — стоит поперек пути, подобно архетипическому разбойнику с большой дороги. Этот тать предстает в модернизированном виде: пользуясь своим монопольным преимуществом держателя постоянного двора, он обирает путников, взимая баснословную плату за простые нужды, необходимые в дороге: например, утолить жажду. Истомленные «огнепалющим» зноем друзья поначалу расценили встречу с «путимцем» как «неожиданную благодать». Однако, утолив жажду физическую — молоком, проданным втридорога «душевредным» «надувалою» (XI, 48), — Гоголь сильнее начал страдать от жажды духовной.

Мотив жажды: «Уста пересымягли, в груди томящая жажда, а руки нет силы поднять от усталости» (XI, 46), — обретает в контексте рассказа евангельское наполнение. Духовная жажда утоляется во Христе, в праведной жизни по Его заповедям: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» (Отк. 22: 17); «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7: 37). Беседа у колдца с самарянкой, Иисус возвестил: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать во век; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 13–14).

Гоголь невольно помогает «беспутному» Путимцу обрести этот верный путь, направляет на путь Истины. Подобно библейскому Иоанну Крестителю, он «готовит путь Господу», «делает прямыми пути» к Нему в окаменелой душе, сбившейся с праведного пути.

Учительная установка Гоголя-писателя — «выставить человека как следует», «чтобы он действительно был в урок и в поучение живущему» (6, 419) — в лесковском рассказе представлена в жизненной ситуации. Молодой Гоголь, удерживая своего попутчика от проявлений гнева в отношении учиненного над ними мошенничества, с миролюбивым видом сыграл на жадности «каналыи»-хозяина: «у вас всех дешевле. Спасибо вам на этом, большое спасибо!» (XI, 56). Юноша решил проучить «нахального и жадного мужика» (XI, 60) таким образом, чтобы наказание пришло к нему через его же лихоимство. Из лукаво мудрствующего Путимца Гоголь задумал «такого дурня устроить, который сам себя высечет!» (XI, 56). (Заметим в скобках, что фразеологию «Ревизора», другие гоголевские афоризмы, доведенные до совершенства, Лесков воспроизводил в своем творчестве нередко; вереница персонажей Гоголя, выполняя определенные идейно-эстетические функции, органично вошла в лесковский художественный мир.) «Апокрифичность» рассматриваемого рассказа позволила Лескову высказать следующее предположение: «И, Бог весть, не от сей ли поры, не с этой ли встречи с Путимцем пошли клубиться в общих очертаниях художественные облики, которые потом в зрелых произведениях Гоголя то сами себя секли, то сами над собою смеялись» (XI, 68).

Гоголь — герой лесковского рассказа — убежден в том, что «никогда не нужно отчаиваться в раскаянии человека и не стоит самому ссориться и биться, а надо так сделать, чтобы человек сам себе получил вразумление от своего характера, чтобы он сам себя наказал за свою гадость» (XI, 57). Скрытая насмешка в назидание придорожному ловкачу должна возыметь благую цель — призвать «грешников к покаянию» (Лк. 5: 32): «А ты погоди — он покается. Ты увидишь, зачем я так сделал, — я сделал это для того, чтобы он покался» (XI, 57).

В то же время в «ничтожном событии», вначале воспринятом Гоголем «очень легко и даже весело, в существе заключалось для него нечто неприятное, нечто столь тяжелое, что он почти страдал от этого» (XI, 58). Даже день, проведенный в веселой и радостной обстановке гостеприимного дома радушных и благочестивых хозяев, не смог заставить Гоголя забыть о случае в дороге. Оставшись ночью наедине с самим собой, юноша производил «строгий анализ над собственной душой» (6, 426), как делал впоследствии Гоголь в <Авторской исповеди>.

Размышляя о встрече с Путимцем, он укорял себя за неосмотрительность: «мне его теперь уже даже и жалко становится, потому что я над ним черт знает какую штуку подстроил. Ужасную штуку!» (XI, 57); «Я был очень легкомыслен... я сделал дурное дело <...> я не обдумал и поддался дрянному искушению» (XI, 59); «Я мог над ним пошутить, но я устроил над ним слишком злую... слишком злую насмешку... а у насмешника всегда бывает дрянное сердце. Это мучительно!» (XI, 60).

Исповедальный мотив покаянного самоуглубления воспроизводится Лесковым в полном соответствии с <Авторской исповедью>, проникнутой пафосом строгой самовзыскательности Гоголя: «писатель-творец творит творенье свое в поученье людей. Требования от него слишком велики — и справедливо» (6, 428). Гоголь убежден, что нет оправданий писателю, который «сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело» (6, 186).

Ведя непрестанную внутреннюю работу, Гоголь ощущал себя и субъектом, и объектом самонаблюдения. Он признавался, что «наблюдал над собой, как

учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника» (6, 417). Это духовное самообразование, согласно гоголевской исповеди, было predetermined «желанием совершенства, если сходил за тем Сын Божий, чтобы сказать нам всем: "Будьте совершенны так, как совершен Отец ваш Небесный"» (6, 417–418).

Заповедь Христа: «Будьте совершенны» (Мф. 5: 48) — вершина Нагорной проповеди — служила также главным религиозно-нравственным ориентиром для Лескова⁸, который адресовал все свое творчество тем, «кто хочет совершен бытии» (XI, 555).

Указанному в Евангелии пути совершенствования нет конца, не поставлено никаких пределов. Поэтому писатель, одинаково считая Гоголь и Лесков, не вправе быть скорым на обвинения несовершенному человеку. «Бог Вам судья в этом деле, а не я»⁹, — говорит Лесков раскаявшейся грешнице в неоконченном рассказе «Дама с похорон Достоевского» (1890). Также размышляет и Гоголь: «Не мешало бы подумать <...>: "Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека — кладезь, не для всех доступный иногда <...> Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мертвый труп"» (6, 439).

Отсюда — осознание обоими писателями величайшей ответственности за неспростное, учительное слово в полном соответствии с поучением Христа: «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (12: 35–36). Слово, обладающее жизнестроительной силой, включается в евангельский контекст: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14). Сакральное Слово: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1) — соотносится с творящим словом вообще, которое есть дар Святого Духа: «Святой Дух научит вас в тот час, что должно говорить» (Лк. 12: 12).

Гоголь-писатель обостренно чувствовал священную сущность искусства слова: «чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято <...> словесное поприще есть тоже служба» (7, 322). Юный Гоголь в рассказе Лескова также отдает себе отчет в том, что слово имеет разительную силу, обладает действенной духовной энергетикой. Оно способно изменить устремления души и саму судьбу человека — как в истории с Путимцем, которая произвела на будущего писателя «сильное впечатление. Во-первых, его ужаснуло — как точно и как скоро исполнился в шутку им затеянный план, чтобы жадного вымогателя проучила чья-нибудь чужая суровая рука; а во-вторых — Гоголь во всем этом видел происшествие не случайное, а роковое откровение, и притом откровение, имеющее таинственную цель просветить его именно ум» (XI, 67–68).

«Просвещенный» Божественным откровением ум Гоголя впоследствии привел его к основным писательским установкам: «Опасно шутить писателю со словом» (6, 188); «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними» (6, 187); «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку» (6, 187). Эти афористически выраженные христианские убеждения

8 См. об этом подробнее в монографии автора данной статьи: Кретова (Новикова) А. А. «Будьте совершенны»: религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников. — М.; Орёл, 1999.

9 Цит. по: Фаресов А. И. Н. С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. — 1895. — № 10. — 5 марта. — С. 184–186 / Конволют А. Г. Биснека. — С. 61. (Статья А. И. Фаресова содержится в конволюте А. Г. Биснека — из личной библиотеки А. Н. Лескова, хранящейся в отделе редкой книги Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева. Рукой сына Н. С. Лескова на первой странице в центре сделана запись: «Получено в дар от Андрея Густавовича Биснека 19 июля 1940 года. Андрей Лесков»; ниже — следующая запись: «Этот исключительной милоты и культуры человек погиб в блокаде Ленинграда от голода. Андрей Лесков».)

определили смысл главы IV «О том, что такое слово» «Выбранных мест из переписки с друзьями» и пафос книги в целом: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах» (6, 188)

Известно, что писатель много молился, вина себя самого в духовном несовершенстве. «Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело» (7, 324), — писал он накануне паломнической поездки по святым местам.

Юноша Гоголь — герой лесковского рассказа — всю ночь, не смыкая глаз, бодрствует и горячо молится. Художественный текст снова вызывает евангельские аллюзии — настойчивый, троекратный призыв Христа к Апостолам в Гефсиманском саду: «бодрствуйте со Мною»; «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 38, 41). В этой сцене Лесков рисует Гоголя «на коленях, со сложенными на груди руками, с низко упавшею на груди головою. Он молился... О ком: о себе, о Путимце, о России, которую он так чисто любил и так нежно защищал, меж тем как она "была черна неправдой черной"... Но тогда тем более причин было о ней молиться...» (XI, 61).

Упоминание о том, что у Гоголя «несколько раз наворачивались на глаза слезы» (XI, 67), также соответствует подлинному внутреннему облику экзальтированного юноши. Впоследствии писатель делился с В. А. Жуковским: «еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению (7, 322). О том же свидетельствуют гоголевские письма — лирические излияния — с их повышенной эмоциональностью: «Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага» (7, 45–46); «верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрек благу» (7, 49), — писал из Нежина 18-летний лицеист.

Уже с юности Гоголь почти *неземной*: «душа моя хочет вырваться из тесной своей обители» (7, 32). Он жалуется на «существователей», которые «задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека» (7, 40–41). Ему чужда мысль, «как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире»; претят «мошенники», которые «дерут предорого и ни на грош не приносят пользы» (7, 53).

Примечательно письмо из Нежина от 1 марта 1828 г. Гоголь пишет матери, что претерпел «столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч.» и признается: «Все выносил я без упреков, без роптания, никто не слышал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя <...>. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми <...> Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодарениями, потому что зло их мне обратилось в добро» (7, 48–49). Это подлинное глубокое выражение внутренней жизни молодого Гоголя созвучно мысли героя рассказа о том, «как один человек с добрым настроением способен принести добро другому, доказать ему безобидно его недостойность и подвинуть его на лучшее» (XI, 61). В «Путимце» Лесков представил нравственный «урок», вероятно, подобный тем, которые получил юный Гоголь в действительности и которые научили его не устремляться «на *порицанье* действий другого, но на *созерцанье* самого

себя»; привели к важнейшим писательским установкам; сформировали этическое-эстетическую концепцию: «Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, <...> чтобы каждый почувствовал их в себе самом и загорелся бы желанием развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей» (7, 325).

Духом проникая в грядущее, предчувствуя будущее великое страдание Путимца, Гоголь преисполнен сострадания к заблудшему: «А может быть, он до сих пор уже что-нибудь претерпел» (XI, 60). В то же время, согласно антиномиям православной аскетики, в очистительном страдании — спасение: «о Путимце он все-таки заключил, что он "непременно раскается и хорошо кончит"» (XI, 67–68). Юноша-Гоголь сумел прозреть судьбу старика-Путимца: «он сам спасется. Ты это попомни» (XI, 60).

Могучее очистительное и просветительное действие гоголевского слова на Путимца — в христианском русле: «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118, 105) — в финале привело его на путь монашества, христианского подвижничества. Такое духовно-нравственное возрастание, на первый взгляд, представляется невероятным: делец, мошенник, разбойник с большой дороги становится монахом-аскетом. Вместе с тем здесь заключен закономерный итог, к которому ведет внутренняя логика рассказа. Художественное воплощение получает лесковское убеждение в том, что «двойственность в человеке возможна, но глубочайшая "суть" его все-таки там, где его лучшие симпатии» (XI, 523). Вслед за Тертуллианом Лесков любил повторять, что «душа по природе христианка» (XI, 456). Гоголь в предсмертных записях оставил «пасхальный» завет воскрешения «мертвых душ»: «*Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и вся прелазай иначе есть тать и разбойник*»¹⁰.

Обратившись к Христу при косвенной помощи Гоголя, «тать и разбойник» Путимец духовно преобразуется в набожного, благочестивого и кроткого слугу Божьего. В полном соответствии с православной антропологией, когда и последнему грешнику не закрыта дорога к спасению, показаны полярности духовно-нравственного преобразования человека. Вспоминая «Жития святых», Гоголь в рассказе Лескова восклицает: «Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник...» (XI, 49). В уста главного героя рассказа вложен важный тезис христианской аксиологии: «Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит! <...> Христос их любил. <...> людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто на опаре...» (XI, 49–50).

Нет сомнений, что уже в юности Гоголь глубоко знал Священное Писание, был хорошо знаком с христианской агиографией. В рассказе «Путимец» он советует своему националистически настроенному спутнику, имевшему любимую повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паныча» (XI, 47): «читай книги божественные <...> Читай, что писано в "Житиях" о русских святых...» (XI, 49).

¹⁰ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. — М.: Русская книга, 1994. — Т. 6. — С. 392.

Неотразимой аргументацией в споре о великих возможностях духовной природы человека служит для Гоголя Евангелие. Оппонент будущего писателя, зная его привычку апеллировать к Священному Писанию и высокую компетентность в христианском учении, вынужден капитулировать: «Черныш только рукой махнул и сказал ему:

— Ну-ну, теперь "воссел еси, Господи, на апостоли твоя, яко на кони"» (XI, 50). Так, в Деяниях Апостолов сказано, как вступившие в спор с их учеником, «не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил» (Деяния. 6: 10).

Гоголь указывает на евангельские имена начальника мытарей, блудницы, слепого от рождения, которым дано было просветление в Иисусе Христе: «Захей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса!» (XI, 50).

Особенно вдохновляет героя лесковского рассказа история Вартимея, и не случайно. Христианская концепция мира и человека, определившая уникальное идейно-художественное своеобразие «Путимца» и в целом мировидение писателя, проецируется на эпизод Евангелия от Марка: «И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, *слепой сидел у дороги* <выделено мной. — **А. Н.**>, прося *милостыни*»; «Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Марк. 10: 46, 52). Мотив дороги, пути, следования за Христом звучит здесь особенно призывно.

Евангельскую метафору слепоты и прозрения Гоголь — герой Лескова — трактует следующим образом: «Только подумай, этот Вартимей... какая, по моему, была его слепота? Мне сдается — душевная. Чем он был слеп? — тем, что ничего не видали очи его помраченного ума... И вдруг... одно только слово, одно "малое брение", плюновение на землю, и очи отверзлись... И как широко... как далеко взглянул он. Все роздал — себе ничего не оставил. Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится» (XI, 50).

«Прекрасное чудо» восстановления Божьего образа в падшем человеке, сотворенное с Путимцем неисповедимыми путями Господними, через глубокое покаяние привело его на служение Богу и людям. Старик не ищет легких путей, к Господу ведут «узкие врата» и «узкий путь», в Царствие Божие «всякий усилием входит» (Лк. 16: 16). Для своего аскетического подвига герой выбрал не близлежащую обитель, хотя «Киев ближе, и монастырей там много», а «сошел в далекий Нилов монастырь» на Столбной остров, что среди озера Селигера», потому что «тамошний святой очень нравился» (XI, 69). На взгляд Путимца, преподобный Нил Столобенский был всех «преподобнее».

Монастырь на Селигере вырос на месте отшельнического подвига преподобного Нила, Столобенского чудотворца. Святой старец поселился на пустынном острове Столобном в 1528 году. После пожара 1665 года, в котором сгорели дотла все постройки Ниловой пустыни, были обнаружены нетленные мощи преподобного. Православный источник сообщает, что Нило-Столобенская пустынь «постепенно превратилась в одну из самых благолепных и посещаемых богомольцами обителей». Уже в XVIII веке она стала «едва ли не самым почитаемым монастырем во всем Верхневолжье. Братия монастыря прославилась в округе своим трудолюбием и богобоязненностью, а паломники особенно любили обитель за то, что здесь сохранился дух древних монастырей»¹¹.

Преподобный Нил, помимо отшельничества, принял на себя совершенно особый, уникальный подвижнический труд. Он никогда не позволял себе прилечь и даже присесть. Когда же совсем изнемогал, давал отдых ногам, опираясь подмышками на крюки, вбитые в стену кельи.

¹¹ *Православные монастыри. Путешествие по святым местам. Нило-Столобенская пустынь.* — 2009. — № 12. — С. 3, 6.

Являя «гениальное чутье к Православию»¹², Лесков вплетает в художественную ткань своего рассказа агиографический источник: «писано, что никогда не спал, а только “мало отдыхал, облегаясь пазухами об острые крючья”»; «так верно в житиях писано: никогда не ложился, а только облегался пазухами об острые крючья <...> чтоб Богу угодить» (XI, 70).

Житийное предание о преподобном старце легло на благодатную почву. На пути духовного возрастания преображенный Путимец захотел потрудиться именно при таком святом и «в самой, какая возможно, черной работе. Просто сказать — он ныне там самые поганые ямы чистит» (XI, 70). Однако через свое покаянное, униженное служение герой достигает духовного первенства, «ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23: 12). Так, согласно евангельской заповеди, «последние» становятся «первыми» и «первые последними»: «кто хочет быть первым, будь для всех последним и всем слугою» (Марк. 9: 35).

В соответствии с православной антропологической концепцией «единства и цельности» Путимец становится на путь духовно-душевного «самособирания» человека в Боге. «Устремление человека к Богу не философский тезис, а реальная жизненная установка, род активности, — пишет С. С. Хоружий. — <...> Человек, устремляясь к Богу, должен выступать как единство и цельность уже в эмпирическом своем существе, в реальной духовно-душевной данности. Однако такие единство и цельность сами по себе отнюдь не обеспечены человеку. Их нужно достигать»¹³. Путимец «в старости своей достигает <...> облегаясь пазухами» (XI, 70), следуя подвижническому житию преподобного Нила.

В финале рассказа Лесков соотносит судьбу Путимца с жизненным путем Гоголя: «Гоголь умер в молодом веке, а старый Путимец, пожалуй, позабыл считать годы и живет» (XI, 69). Жертвенный путь, к которому невольно подвигло старика гоголевское слово, с ранних лет привлекал самого Гоголя: «даже в детстве, даже во время школьного учения <...> мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование» (6, 423). Религиозные искания на пути духовного освобождения в последние годы жизни писателя вызвали в нем острое «томление духа». «Тут все переболели сердцем, читая весть про душевные муки поэта, начавшиеся для него томлением, которое предшествовало и, может быть, частью вызвало "Переписку с друзьями"» (XI, 68), — пишет Лесков. Стезя великого русского писателя, обрешшего себя «на нищенскую и скитающуюся жизнь», — это аскетический путь бесприютного странника. «Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь» (7, 158), — говорил Гоголь.

Мысль о монашестве не оставляла его: «Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом» (7, 148). Это образное сравнение, подчеркивающее духовную высоту писательского труда, «художнически-монастырской работы», постепенно перерастает в убеждение: «нет выше удела на свете, как званье монаха» (7, 200). В письмах Гоголь признается, что больше годится «для монастыря, чем для жизни светской».

Укреплению православного идеала способствовало глубокое вхождение писателя в молитвенный духовный опыт, обращение к святоотеческому наследию. Так, Гоголь просил прислать ему в Рим «молитвенник самый пространный, где бы находились все молитвы, писанные отцами Церкви, пустынноиками и мучениками»¹⁴. Писатель по-монашески «келейно» штудировал труды святых

12 Дурьин С. Н. О религиозном творчестве Н. С. Лескова // Христианская мысль. — Киев, 1916. — № XI. — С. 77.

13 Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетейя, 1994. — С. 297.

14 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. — М.; Л.: АН СССР, 1952. — Т. XII. — С. 156.

отцов, делал выписки из богослужебных книг, создавал собственную духовную прозу.

Основательное знание и любовь к творениям отцов Церкви объединяет Лескова с Гоголем. Лесков, генетически связанный со священническим родом, считался одним из лучших знатоков церковной истории. Духовные образы глубоко укоренились в художественном сознании писателя, «с ранних лет жизни» имевшего «влечение к вопросам веры» (XI, 519), убежденного в том, что «если есть Божья искра, она не потухнет» (XI, 300). Гоголь и Лесков при всей их творческой индивидуальности одинаково горячо ратовали за восстановление образа Божьего в «пошлом», «холодном, раздробленном, повседневном характере» человека, опутанного «всею страшной, потрясающей тиной мелочей». Задача плодотворная и сейчас, ибо «цели христианства вечны» (XI, 287).

На сохранившемся в Оптиной пустыни первом томе «Мертвых душ» (СПб., 1842) Гоголь отметил: «Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников»¹⁵. Именно такое «не кривое», а христиански прямое понимание души, созидательное «стремление к высшему идеалу» (X, 440), свойственное обоим русским классикам, нашло художественное воплощение в лесковском «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец».

¹⁵ Цит. по: Матвеев П. Гоголь в Оптиной пустыни // Русская старина. — 1903. — Т.113. — № 2 (февраль). — С. 303.

АНГЕЛЫ И ЗВЕЗДЫ. МАРИНА ЦВЕТАЕВА, ЕВГЕНИЙ РЕЙН И АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА

ШТУДИИ

Роман «Ангел-Хранитель» Александры Крючковой — многогранное произведение, в котором каждый увидит нечто свое. Для меня лично это не просто необычный роман о поиске земной любви и страстях любовного треугольника с детективным флером, астрологическим «почерком» и очаровательной самоиронией автора. Кстати, как заметил в рецензии заслуженный писатель СП России **Пётр Гулдедава** (здесь и далее — цитаты из предисловия к предыдущему изданию романа в «РИПОЛ классик», 2015):

«На мой вкус — слишком мало "тела". Превознося идеализированный образ возлюбленного "полупризрака", главная героиня как бы подчеркивает собственную недосыгаемость, а обыватель, коим является усредненный читатель, нацелен на доступное».

«Небесное» послевкусие от прочтения романа осталось и у православной писательницы-публициста **Инны Буториной**:

«Настоящий дневник Ангела! Эксклюзив, раритет, хрупкая драгоценность. Глоток чистой родниковой воды для каждого измученного жизнью путника. Книга, которую вы запомните навсегда...»

«Хранитель» для меня — не столько даже увлекательная и познавательная «Игра в Иную Реальность» (что следует из названия серии), благодаря которой читатель, безусловно, проникает в Тонкие Сферы, включая миры ангелов, призраков и сновидений, чтобы победить собственные страхи и комплексы и переписать многовариантное Будущее, чем закономерно восхищается фантаст **Ирина Лежава**:

«Отнюдь не тривиальный сюжет! За любовным треугольником — бездна Подсознания, мир Сновидений, долина Тумана, нескончаемые залы Библиотеки Вселенной, страницы Астральных Скрижалей, шелест крыльев ироничных Хранителей и космическая Душа автора, чья миссия на Земле — нести людям Свет!»

Для меня «Ангел-Хранитель» Крючковой, с одной стороны, представляет собой потрясающий роман о сильной духом, но явно не железной леди, балансирующей, подобно цирковому артисту, на тонкой ниточке, натянутой над бездной небытия, — она танцует со Смертью. Смерть то отступает, делая шаг назад, то набрасывается на Алису и душит ее в своих страстных объятиях. Это роман о борьбе со Смертью в ее разных обликах даже не конкретного человека, а самой Жизни. Почти о том же говорила и писательница **Елена Граменицкая**:

«Сила Любви главной героини, замороженной Смертью, но безумно жаждущей жить, способна уничтожать и возрождать миры, она создает мощный вихревой поток, от которого захватывает дух! Я проехала несколько остановок метро — зачиталась, всецело провалившись в Иную Реальность...»

Да и для меня чтение произведений Крючковой похоже на медитацию. И стихи Александры, и ее проза — не менее поэтичная! — обладают необъяснимым магическим эффектом, что отмечали и Елена Талленика (рецензия на «Остров Харона»),

и Константин Белый (отзыв на «Ловушку для Мыслеформы»), и Пётр Гулдедава (рецензия на «Лунного кота» и «Хранителя»). Эта магия, совсем не навязчиво, но упорно и властно воздействует на читателя, заставляя задуматься не только о бренном, при этом каждый роман Крючковой — очередное открытие, явный нестандарт, разрыв шаблона, пазл, головоломка, шарада, нечто необычное. Соглашусь с **Вадимом Шильцыным**:

«Проза Крючковой уникальна, как отпечаток пальца. Редчайшее сочетание писательского таланта и эзотерических знаний. Самое простое — сравнить ее "Хранителя" с Бернаром Вербером и Пауло Коэльо, но у Крючковой настолько живое ощущение этого мира, что произведения Вербера и Коэльо не могут даже соревноваться с ее "Иной Реальностью". "Ангел-Хранитель" — увлекательное чтение и прекрасный сценарий сногшибательного фильма для победы на Венецианском кинофестивале!»

С другой стороны, в «Хранителе» перед глазами читателя возникает срез целого десятилетия, наша с вами «литературная история» со звездными именами эпохи, поскольку автор описывает реальные события, происходившие в литературных кругах начала XXI века. Читатель «невольно» принимает участие в Цветаевском костре в Елабуге, бродит по книжным выставкам в Париже и в Лондоне, попадает на семинары Евгения Рейна и Виктора Ерофеева в Школу букеровских лауреатов в Милане, отправляется в Венецию к могиле Иосифа Бродского, посещает III-й международный фестиваль поэзии в Венгрии, наблюдает за подготовкой и проведением турнира «Король поэтов» в московском ЦДЛ, знакомится с «императорской» премией «Наследие» и готовится вылететь на фестиваль «Я люблю этот мир!» в Болгарию.

Интерес, на мой взгляд, представляет именно тот факт, что, во-первых, события — неординарные, а знаковые для своего времени, во-вторых, автор принимала в них непосредственное участие, — у читателя есть возможность окунуться в реальную литературную среду и прикоснуться к звездным личностям, что гораздо приятней извлечению сухой информации из энциклопедических справочников.

А кто автор-то? Какова ее роль в описываемых событиях?

С 2001 года Александра Крючкова принимала активное участие в литературных мероприятиях Москвы и Санкт-Петербурга, а ее первое выступление за рубежом состоялось 11 апреля 2010 по приглашению чешской компании Carte Blanche, при участии пианиста Филиппа Субботина, директора музыкальной школы Gradus ad Parnassum при Российском центре науки и культуры в Праге (Чехия) — это был трехчасовой музыкально-поэтический концерт в костеле Святой Девы Марии (Kostel Panny Marie Snezne) с последующей трансляцией видеозаписи на русском ТВ в Праге.

В сентябре 2011 года Александра Крючкова, благодаря Союзу писателей XXI века и его президенту Евгению Степанову, представляла Россию на III-м международном фестивале поэзии в Венгрии, организованном при поддержке международного Фонда культуры и творчества E. O. S., возглавляемого поэтом и переводчиком Ароном Гаалом. По результатам выступлений в городах Будапешт, Сентэндре и Исашег она заняла I-е место и получила возможность бесплатного издания книги в Будапеште в переводе на венгерский язык. Ее имя выгравировано на памятном камне в Парке звезд на Аллее Славы в городе Св. Андрея (Szentendre). За победу в Венгрии награждена орденом им. Г. Р. Державина МГО СПР. После выхода книги «Ez a — Szerelem!» («Это — Любовь!»), избранные стихи А. Крючковой в переводе на венгерский А. Гаала, Александра была удостоена международной премии Венгрии «Новые плеяды-2012» за заслуги в области литературы.

В дальнейшем Крючкова, как поэт и писатель, представляла Россию в составе делегации МГО СП России на книжной выставке в Париже (2012), где

действительно, как и в романе, беседовала с министром культуры Франции; выступила с докладом на конференции «Новая русская революция в литературе», организованной итальянским издательством Edizioni Spirali в Милане (2012); провела мастер-классы на литературном фестивале в Варне и читала стихи в Союзе болгарских писателей, где познакомилась с легендарным болгарским поэтом и переводчицей Елкой Няголовой, которая перевела стихи Крючковой на болгарский язык; а на книжной выставке-ярмарке в Лондоне (2013) и в турне по Италии (2014) Александра выступала уже и в качестве руководителя делегации. Также являлась инициатором международных проектов МГО СП России: «Россия-Чехия», «Россия-Германия», «Россия-Венгрия», «Россия-Испания», «Россия-Италия», «Россия-Греция». Каждое ее зарубежное выступление и международный проект были отмечены грамотами МГО СП России, а произведения частично переведены на английский, немецкий, итальянский, болгарский и венгерский языки, да и упомянутая в романе книга «Без маски» действительно вышла в Германии в издательстве Stella-Verlag.

Александра Крючкова — трижды лауреат премии Лиги писателей Евразии «Литературный Олимп» в номинации «Проза», в том числе — за роман «Ангел-Хранитель» (2014), но особую роль в ее творческой судьбе сыграли поэты Евгений Борисович Рейн и Марина Ивановна Цветаева. Неслучайно в «благодарностях» она упоминает первым именно Е. Б. Рейна, а в посвящении — Марину Цветаеву (хотя сам роман посвящен также А. Ахматовой и А. Блоку). При этом Рейн является реальным персонажем романа, а Цветаева вместе с Ахматовой и Блоком помогают главной героине из параллельного мира, встречаясь с ней в Библиотеке Вселенной.

С Рейном Александра пересекается и в жизни, и в романе трижды: в марте 2012 она прошла курс его поэтических семинаров в Школе буковских лауреатов в Милане (Италия) и по результатам конкурса была объявлена победителем Школы (получила диплом победителя с правом бесплатного издания книги стихов и орден «Золотая осень» им. С. А. Есенина от МГО СПР). Вместе с группой семинаристов они вместе ездили в Венецию на экскурсию по местам Иосифа Бродского. Осенью 2012 года Александра выступила на ТВ «Культура» в передаче «Вслух. Стихи про себя. Как подняться над графоманией?», в жюри — Александр Кушнер и Евгений Рейн. Крючкова была объявлена победителем передачи. В апреле 2013 она прошла очередной курс поэзии у Е. Б. Рейна в МГО СПР и получила соответствующий диплом.

Книга стихов с вызывающим названием «Марина. Анна. Александра», неоднократно упоминаемая в романе и представленная одновременно с книгой «Крик в Безответное» на «суд» Е. Б. Рейна, вышла в издательстве «РИПОЛ классик» в 2009 году. Казалось бы, связующим звеном между Рейном и Крючковой логично предположить Анну Ахматову (Рейн хорошо знал Анну Андреевну и традиционно, вместе с Бродским, считается «учеником» Ахматовой), да и в романе (как и в реальной жизни) главная героиня попадает в смертельную авткатастрофу именно в день ее рождения. Однако вполне осознанно в тяжелый момент жизни и в свой собственный день рождения Алиса (как и автор) уезжает именно в Елабугу, да и Марина Цветаева, в отличие от Анны Ахматовой, фигурирует почти во всех романах Крючковой. В «Хранителе» главная героиня рассказывает о многочисленных нюансах, которые роднят ее с Мариной, а в последующем романе, «Исповедь Призрака», периодически повторяет фразу: «Я — не Ахматова». Показательно, на мой взгляд, что, несмотря на обилие возможностей, Крючкова никогда не участвовала в конкурсах имени А. Ахматовой, но победила в конкурсе «Галерея избранного стихотворения» в номинации им. М. Цветаевой «Женский космос» за стихотворение «Во мне» (октябрь 2010), а также в конкурсе «Цветаевские костры» 2013 (1-е место с вручением статуэтки «М. И. Цветаева» и сертификатом на бесплатное издание

книги). Александра неоднократно читала стихи и вела литературные вечера МГО СПР в Доме-музее М. И. Цветаевой в Борисоглебском переулке, а с фондом «Светоч» выступала в школе-гимназии имени В. П. фон Дервиз, где училась М. И. Цветаева. Крючкова трижды посещала Елабугу, две поездки из трех описаны в романе «Ангел-Хранитель». По решению руководства Елабужского государственного музея-заповедника им. М. И. Цветаевой (ЕГМЗ) она получила право зажечь 11-й Цветаевский костер в Елабуге 5 октября 2013 года и открыть поэтические чтения, ее выступление и интервью региональному ТВ были широко освещены в прессе («Татмедиа», «Новая Кама», «Вечер Елабуги», «Елабуга без формата», «Общеписательская Литературная газета» и др.). В октябре 2020 Александра повторно приехала на Цветаевский костер в качестве руководителя делегации МГО СПР и была награждена дипломом за подписью директора ЕГМЗ и председателя МГО СПР за участие в Цветаевском костре с вручением медали им. М. И. Цветаевой «Цветаевские костры».

В романе «Ангел-Хранитель» стихи Крючковой звучат в качестве «иллюстраций», добавляя последний штрих к ее портрету: да, она — мастер! В качестве победителя турнира «Король поэтов» (МГО СПР, 2013) она выступала на радио и ТВ Фонда «Русский мир» в «Литературной гостиной» Дмитрия Силкана и в передаче «Культурный слой» Наталии Осиповой. В 2014 году в издательстве «РИПОЛ классик» вышла ее книга стихов «Королева поэтов», а затем Александра, одна из немногих, удостоенных ордена Святой Великомученицы Анастасии Российского Императорского Дома Романовых «за вклад в культуру России», стала лауреатом премии «Наследие» 2014, и последняя страница «Ангела-Хранителя» залита светом с церемонии награждения лауреатов «Наследия» в Большом зале ЦДЛ.

Как написала о «Хранителе» литератор **Надежда Шлезигер**, поклонница Марины Цветаевой:

«Крючкова идет по краю гениальности, ее стихи прорастают в твоей душе, поражая искренностью и глубиной мысли, ее проза удивляет и формой, и содержанием, и, конечно же, Силой Духа, ее Иная Реальность — это выстраданная правда жизни...»

Однако завершить рассказ о «Хранителе» правомерно словами уже процитированного мной в самом начале Петра Гулдева, который, несмотря на упрек в излишней «небесности» главной героини, продолжает свою рецензию так:

«Но именно в чистой одухотворенности и проявляется сила воздействия произведений Крючковой, ключ ее высокого мастерства. О чем бы она ни говорила, каждое слово — это слово любви, веры и надежды, излучающее магию обаяния таланта и красоты. К великому сожалению, люди разучились по достоинству ценить своих ближних и живущих рядом современников, поскольку у них такие же, как у остальных, два глаза, чтобы видеть, два уха, чтобы слышать, и один рот, который не только способен говорить умные слова, но и требует хлеба насущного. Им сложно довести уровень своей объективности до степеней, равнозначных великим дарованиям ближних. Особенно если Господь сподобил их самих укрывать собственное косноязычие за обилием рифмованных цитат общеизвестных истин и перефразированных высказываний признанных авторитетов. Наверное, должно пройти время, и только потомкам дано с расстояния десятилетий разглядеть истинную масштабность величия Мастера. Следуя заразительному примеру и перефразируя высказывание Ф. Листа о Полине Виардо, хочу со всей ответственностью заявить: Александра Андреевна Крючкова — не просто русский российский литератор. Она — "явление культуры" и когда-нибудь "настанет свой черед" "драгоценным винам" ее неповторимого творчества!»

Борис МИХИН

О «КНИГЕ ЧАСОВ» И «БЛАГОДАРЕНИИ ЖИЛИЩУ» У. Х. ОДЕНА

К 115 годовщине со дня рождения Уистена Хью Одена
(21 февраля 1907 г.)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Мне уже доводилось писать о том, что Уистен Хью Оден и в жизни, и в своем мировоззрении, и в творчестве был человеком парадоксальных взглядов и нередко кардинально изменял и свой образ жизни, и свои взгляды¹. Так, будучи марксистом и атеистом, Оден, перебравшись в Америку на пике славы (и отказавшись от некоторых своих стихотворений, как «Испания» или «1 сентября 1939 г.» как от слишком пристрастных и политизированных, а в стихотворении «Памяти Йетса» исключив строфы, в которых говорится о том, что язык простит Клоделю и Кипплингу неблаговидные поступки и реакционные взгляды», он составил собрание своих стихотворений, о которых ниже. Будучи атеистом, он в США пришел к вере. Как личность он шел от неверия к вере, и дело не только в том, что в США Оден, переставший ходить в церковь чуть ли не в 15 лет, вновь начал посещать церковь и впервые за долгое время причастился, но и в том, что его поэзия стала не просто глубокой, а глубоко духовной — из поэзии слова она становилась поэзией поступка, не переставая при этом быть искусством. Как считает Мендельсон, вера, к которой пришел Оден в США, была своеобразной формой экзистенциального протестантизма². Сам Оден говаривал, что религия — католическая, но путь к ней — протестантский³. В США изменился и образ жизни Одена — он вновь стал преподавать, как некогда в Англии, пока не смог обеспечить себя литературным трудом, но главное — тематика и сам язык. Так, в стихотворении «1 сентября 1939 года», посвященном началу Второй мировой войны, изменилась не только топонимика, причем, как верно подметил в своей лекции-разборе этого стихотворения И. Бродский, «ресторанчик на Пятьдесят Второй улице» указывает не только на место, но и на то, что в то время там был центр джазовой музыки, причем синкопированные ритмы проникли и в стихи Одена, а сам выбор лексикой: «dive», чисто американское слово для ресторанички, скорее бара или даже кабака, говорит еще и о безошибочном слухе Одена. Правда, Бродский делает весьма бездоказательные выводы о том, что именно интерес к американскому языку и заставил Одена перебраться в Новый Свет⁴.

В предисловии к «Собранию коротких стихотворений 1927–1957», которое Оден сам составил по хронологически-тематиче-

1 См. «Парадоксы Одена» *Иностранная литература*, № 1, 2017: <https://magazines.gorky.media/inostran/2017/1/paradoksy-odena.html> и «Путь к себе»: *Prosodia*, № 6, 2017 <https://magazines.gorky.media/prosodia/2017/6/uisten-hyu-oden-putk-sebe.html>.

2 Цит. по: Mendelson Edward. *Later Auden*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999, p. xviii.

3 Fuller John. *Auden: A Commentary*. Princeton University Press, 2000, p. 494.

4 Бродский Иосиф. 1 сентября 1939 г. У. Х. Одена. // *Сочинения Иосифа Бродского в 7 т.* // Под. ред. Г. Ф. Комарова. СПб.: Пушкинский фонд, 1997–2001. Т. V, 1999. С. 216. Перевод Е. Касаткиной.

скому принципу в 1966 г., автор писал, что в тридцатисемилетнем возрасте в 1944 г., когда он впервые составлял книгу избранного, он был еще слишком молод, чтобы понять, в каком направлении шло его развитие, но теперь, продолжал Оден, «приближаясь к шестидесятилетию, я полагаю, что знаю себя и свои поэтические намерения лучше, и если кто-то захочет посмотреть на то, что я написал, с исторической перспективы, у меня нет возражений»⁵.

«Собрание лирических стихотворений 1927–1957 гг.» У.Х. Одена заканчивается двумя знаменательными и важными для Одена стихотворениями, одно из которых (о втором, «Прощание с Mezzogiorno», несколько ниже) можно назвать поэмой «Книга часов» (*Horae Canonica*), построенной по принципу канонической католической службы, соответствующей православному Часам (отсюда Часослов), и, по замыслу автора, время действия — во время пятой и шестой Великопостной недели, эпиграф из католического гимна св. Венантия Фортуната VI в. по РХ, епископа из Пуатье «Гимн Кресту Господню» (*Venantius Fortunatus*, «Hymn to the Holy Cross»), первая строфа читается во время утренней службы в Великопостную неделю (*Passiontide*) и звучит на латыни так:

Pange, lingua, gloriosi proelium certaminis
et super crucis trophaeo dic triumphum nobilem,
qualiter redemptor orbis immolatus vicerit.

[Пой, язык, о великом сражении,
Пой об окончании об окончании битв,
Ныне с креста, награда/трофеей,
Громко воспой о победе,
Расскажи, как Христос, искупитель мира,
Жертва, одержавшая победу.]

По сюжету, лирический герой, он же автор, пробуждается в мир, восстанавливая связь с жизнью, еще как бы безгрешным Адамом, постепенно проникаясь и любовью к жизни, и к своему телу, но и наполняясь чувством вины. Не случайно 2 глава посвящена как бы современникам — но помещена также и во вневременной контекст: вот палач-добряк спешит на работу, «пожав своей собаке лапу/ (Чей лай расскажет миру, что он добр), вот судья, боясь потревожить сон супруги, которую замучила мигрень, тихо спускается по мраморной лестнице, якобы не зная, какое дело ему придется разбирать, какой приговор выносить, который палач, также не ведающий, кого придется казнить, приведет в исполнение — все буднично, ничего личного. И каждый из малых сих хочет, чтобы день прошел без происшествий, однако к закату «у нас наступит Пятница Страстная». Так, сочетая будничное и возвышенное, размышляя о том, что нет пути назад — к первобытному состоянию, к ребенку, к матери-природе, которую Оден называет «Дамой Благой», а путь ведет через *Fortitudo*, *Justicio*, *Nous*⁶ к устройству цивилизованного Града. Однако этот путь — к греху и к искуплению, а также к признанию и Князя Мира сего, причем Оден имеет в виду не только дьявола, но как заметил Эдвард Мендельсон, Левиафана, «общественного зверя»⁷. При этом, задолго до книги «Масса и власть» (1960) Элиаса Канетти Оден в 1953–54 гг. высказал в поэтической форме то, что люди делятся на общество, сообщество и толпу: вот мысли о психологии толпы и о коллективной вине:

5 Auden W. H. Foreword. // *Collected Shorter Poems 1927–1957*. New York: Random House, 1966, rpt. New York: Vintage, 1975. P. 15.

6 Сила, правосудие, разум (лат.).

7 Mendelson, Edward. *Later Auden*. (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1999, p. 351.)

Немногие друг друга принимают, и ничего
не делает как должно большинство,

толпа ж не отвергает никого; к толпе примкнуть —
единственное, что все могут сделать.

Поэтому лишь можем мы сказать,
что наши братья люди все,

поэтому и выше
общественных скелетов без костей: когда-нибудь

ослушались ли королев своих,
на миг один работу прекратили

в провинциальных городках своих,
чтоб поклониться Князю мира⁸ этого, как мы,

в сей полдень, на горе сей,
по случаю сей смерти?

<...>

...Ни один

Из этих, кто в тени стен и деревьев сейчас,

Растянувшись, мирно спит,

Безобиден, как овечка, не может вспомнить,

Почему он кричал или о чем

Так громко на солнышке поутру; когда бы

Допытывались, он бы ответил сразу:

— «То был монстр одноглазый с красным глазом,

Толпа глазела, как он умирал, я не взглянул ни разу». —

Палач пошел умываться, а солдаты — есть.

Мы остались одни с нашим подвигом здесь.

В V главе «Вечерня» лирический герой, «обитатель Аркадии», встречает своего антипода, «обитателя Утопии», чьи политические, идеологические и эстетические взгляды несовместимы:

Я (кто никогда не был в полицейском участке) потрясен и думаю: «Если бы город был свободный, как утверждают, после захода солнца все его учреждения превратились бы в огромные черные камни» —

Он (кого избивали не раз) не удивлен вовсе, но думает: «В одну прекрасную ночь наши парни будут там работать».

Теперь вы можете понять, почему между моим Эдемом и его Новым Иерусалимом никакой договор невозможен.

В моем Эдеме человеку, которому не нравится Беллини, лучше бы не родиться — в его Новом Иерусалиме человек, который не любит работать, очень скоро пожалеет, что он родился.

⁸ Под Князем мира сего Оден понимает не только дьявола, но, как заметил Эдвард Мендельсон, и Левиафана, «общественного зверя». Mendelson, Edward. *Later Auden*. (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1999, p. 351.)

В конце, еще раз пройдя путь от бодрствования ко сну, от забвения — к пробуждению, от осознания греха к искуплению, в утренней службе «Лауды» (Восхваления), Оден пишет о уединенье и общении:

В листве щебечут маленькие птицы;
Клич петуха повелевает пробудиться:
В уединенье, для общенья.

Сияет ярко солнышко на смертных;
Соседей близость люди начинают сознавать:
В уединенье, для общенья.

Клич петуха повелевает пробудиться;
И колокол к заутрене зовет динь-дон:
В уединенье, для общенья.

Соседей близость люди начинают сознавать:
Благослови, Господь, и Царство, и Народ:
В уединенье, для общенья.

Уже к заутрене и колокол зовет динь-дон;
Вновь в брызгах мельницы кружится колесо:
В уединенье, для общенья.

Благослови, Господь, и Царство, и Народ;
Зеленый преходящий мир благослови, Господь:
В уединенье, для общенья.

Вновь в брызгах мельницы кружится колесо;
В листве щебечут маленькие птицы:
В уединенье, для общенья.

Мысли Одена о месте поэта в обществе, об ответственности поэта прежде всего перед поэзией и собой выражены в сонетах «Рембо» и «Слова». Отказавшийся от своего дара, Рембо превратился в заурядного обывателя, но даже будучи верным своему дару, поэт постоянно сомневается, постоянно ищет:

Так что же — выдумке мы факты предпочтем
И сплетнями заполним свой досуг
Иль громких рифм созвучия сплетем,
Где не судьба, но лишь случайный звук?
(«Слова»)

Цельность Одена проявляется в отказе от некоего творческого эгоизма, в благородстве и умении отдавать, а не только брать. Последнее он сравнивает с духовным мародерством в стихотворении 1958 г. «Прощание с Mezzogiorno»⁹:

С готического севера бледные дети
Виноватой культуры картошки,
Виски-или-пива, мы, как наши отцы,
Едем на юг, в загорелое куда-то

9 зд., юг (итал.)

Виноградников, барокко, *la bella figura*¹⁰,
 В эти женственные города, где мужчины —
 Самцы, а дети не искусны в безжалостных
 Словесных схватках, как учат

В протестантских приходах в морозящий
 Воскресный полдень — не более, чем немые
 Варвары, ринувшиеся за золотом, не как
 Барышники, охочие до Старых Мастеров,

А мародеры, но иные верят, что *amore*¹¹
 Лучше там, на юге, и гораздо дешевле
 (Что сомнительно); кто-то убежден,
 Что палящее солнце убивает микробы

(Что явно неверно), а другие, как я,
 Надеются в пожилом возрасте сорвать ветку
 Не того, кто мы есть, а кем можем стать, — вопрос
 Который юг никогда не затрагивал.

В этом стихотворении он простился с Искией, где проводил свой отпуск, решив перебраться в Австрию, где приобрел маленький домик — первую в своей жизни недвижимость. Прощаясь с Италией, Оден воздает дань выдающимся итальянцам, которые были ему духовно близки:

Уехать я должен, но уезжаю с благодарностью (даже
 Некой *Monte*¹²), взывая к священным
 Вершинным для меня именам: Пиранделло,
Кроче, Вико, Верга, Беллини,¹³

Благословляя этот край, вино виноградников и тех,
 Кто зовет его домом — хотя не всегда
 Можно вспомнить, почему ты был счастлив,
 Никогда не забудешь, что счастлив ты был.
 (сентябрь 1958)

В августе 1955 г. Оден получил предложение занять место профессора поэзии в Оксфорде, единственной кафедры, куда не назначались, а выбирали голосованием всех преподавателей, имеющих степень магистра. Несмотря на то, что обязанности были не слишком обременительны — три лекции в год и речь на латыни раз в два года, чтобы отблагодарить благодетелей — Оден поначалу отнекивался. Он написал профессору, или, как принято именовать в Оксфорде, лектору французской литературы Энид Старки, которая выдвинула Одена на эту должность, что он — американский гражданин, достаточно зарабатывает на жизнь, чтобы проводить лето в Италии, и что наиболее подходящим кандидатом на эту должность является на его взгляд Роберт Грейвз. Тем не менее, Старки продолжала засыпать Одена письмами, и 7 ноября 1955 г. Оден, наконец, согласился. Его соперниками были сэр Гарольд Николсон, отставной дипломат и автор «вежливых книг», как пишет Мендельсон, о Теннисоне, Байроне и Суинберне, и шекспировед Г. Уилсон Найт. Перед голосо-

¹⁰ прекрасная фигура (итал.)

¹¹ любовь (итал.)

¹² Горе (итал.)

¹³ См. примечания в конце книги.

ванием Оден получил национальную книжную премию США за «Щит Ахилла», и 9 февраля 1956 г. был избран на должность профессора поэзии, за него проголосовали 216 членов факультета, за Николсона 192, а за Найта — 91¹⁴.

В 1962–1964 гг. Оден пишет «Благодарение Обиталищу» (или жилищу: Thanksgiving for a Habitat), большой цикл стихов или даже поэму, взяв за образец Горация. Об этом цикле Оден говорил американскому поэту Джеймсу Мичи, переводами которого из Горация он восхищался, что «пытался писать так, как писал бы Гораций, если бы английский был его родным языком»¹⁵. В этом произведении каждой комнате дома посвящена глава, в свою очередь посвященная близким и дорогим для поэта людям. Едва ли не самое центральное место отведено рабочему кабинету — «Пещера созидания», посвященная незадолго до этого неожиданно умершему от двустороннего воспаления легких Луису Макнису, другу юности, соавтору, замечательному поэту и переводчику. Эта элегия не может не вызвать в памяти элегию «Памяти Йейтса» и размышления о месте поэзии и поэта в мире и обществе. Детально описывая свой кабинет, Оден очень четко отделяет свое видение поэзии от романтического — кабинет аскетичен:

Здесь нет
цветов или семейных фотографий, все подчинено
здесь функции, направленной на то,
чтобы пресечь мечтанья наяву — и окна потому
отвращены от благовидных видов, но впускают свет,
такой, что можно починить часы — и слух чтоб изострить:
от внешней лестницы, домашний шум
и запахи, обширный фон естественной природы
и жизни — отрезаны. Здесь тишина
превращена в предметы.

Описывая общее прошлое, Оден делится также своим новым видением истории:

у Крова был, как прежде, смысл мистически политический¹⁶:
мы оба с противоречивым чувством наблюдали,
как Тишину разграбили, церкви опустели, Голгофа
исчезла, и Космоса Модель
немецкой стала,¹⁷ а если вера и была у нас, она,
с присущей ей добродетелью, скончалась.
Жизнь более, чем прежде, хороша, любви достойна
и чудодейственна, но после Сталина и Гитлера, себе
мы никогда не будем доверять: мы знаем, что
все возможно.

Несмотря на такие мощные и значимые стихотворения, как «Дитя Страстной Пятницы» и «Памятник Городу», Оден утверждал, что ни одно из его стихотворений не спасло ни одного еврея во время Холокоста, отрицая, стало быть, социальное назначение поэзии, в отличие от своего старшего современника Т. С. Элиота, который дал такое название своей программной статье. Затем Оден обращается к мотиву «Ubi sunt», образуя неологизм от латинского вы-

¹⁴ Цит. по: Mendelson Edward. *Later Auden*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999, p. 401.

¹⁵ Mendelson Edward. *Op. Cit.* p. 454.

¹⁶ У Крова был, как прежде, смысл мистически политический — в оригинале — Усадьба (англ. Manor), кров, под которым подразумевается патриотизм.

¹⁷ Космоса Модель / немецкой стала — имеются в виду философские воззрения Ницше, Маркса и Хайдеггера.

ражения, которое переводится как «О где <вы>» и восходит к переводу кн. Варуха на латынь: «Где князья народов и владевшие зверями земными, забавлявшиеся птицами небесными...» (3:16). Подобный мотив сожаления есть также в древнеанглийских «Морестраннике», «Беовульфе» и в «Жалобе Деора». (Ср. также «Балладу о дамах прошлых времен» Франсуа Вийона), что и передает элегический мотив расставания с другом и прошлым. После этого Оден переходит к самому главному — к своим раздумьям о месте поэта и поэзии, замечая, что избранных, способных понять и оценить истинную поэзию — лишь горстка, в то время как в элегии, посвященной памяти Йейтса, их еще тысячи. Если в «Памяти Йейтса» Оден утверждал, что «поэзия не изменяет жизнь» (буквально «makes nothing happen», то есть из-за нее ничего не случается), то теперь он отмежевывается и от того, чтобы быть бардом, обращаться либо к князю, либо к принцу, либо к покровителю или даже к плебсу, к толпе:

Кто бы предпочел
 быть бардом, сказителем,
 обязанным на пьяных пиршествах петь восхваления экспромтом
 мясистому безграмотному вояке,
 кто кольца раздаст, или чтоб хлеб насущный
 от настроенья Принца Барочного зависел, кто ждет,
 что будешь развлекать его, как шут?

Далее Оден говорит, что предпочел бы стать «второстепенным атлантическим Гёте». Обращаясь в конце к «дорогой Тени», Оден просит друга поддерживать в дни уныния, «когда ты сам ничто,

которое швырнули в груды ничтожеств,
 чтобы разрушить чары очарования собой, когда
 причмокивающие бесы брехни и блажи
 пишут нами, как захотят».

Ян ПРОБШТЕЙН

Уистен Хью ОДЕН

HORAE CANONICAE¹ КНИГА ЧАСОВ

«immolatus vicerit»

1. ПЕРВЫЙ ЧАС

Беззвучно и одновременно,
 Спонтанно и неожиданно,
 Как похвальба зари, врата
 Благие плоти настезь
 Распахнуты для мира:
 Ума врата — из кости
 Слоновой, роговые — в миг
 Подавлена ночная суета,
 С ее бунтарской фрондой,
 Сварливой, злобной,
 Лишенной прав и второсортной:
 Вдова и сирота,
 По исторической ошибке:
 Отозвана из теней,
 Чтоб в плоть облекся образ зыбкий
 И, обретая зренье,
 Без имени, истории, — мое
 Меж днем и телом пробужденье.

Свят этот миг, он целен в правоте,
 И вскрику света краткому
 Он повинуется, а рядом
 Как простыня и как стена,
 Горы как будто каменная стать,
 Мир — въяве здесь, сполна.
 Я знаю, что я есть, и здесь не одинок,
 Но с миром, не омрачена,
 Отрада, ибо руку эту воля
 Востребовать должна,
 А память — вновь меня назвать, начать

1 Поэма Одена посвящена католической канонической службе, соответствующей православным Часам (отсюда Часослов), и, по замыслу автора, время действия — во время пятой и шестой Великопостной недели, эпиграф из католического гимна св. Венантия Фортуната VI в. по РХ, епископа из Пуатье «Гимн Кресту Господню» (*Venantius Fortunatus, «Hymn to the Holy Cross»*), первая строфа читается во время утренней службы в Великопостную неделю (*Passiontide*) и звучит на латыни так:
*Pange, lingua, gloriosi proelium certaminis
 et super crucis trophaeo dic triumphum nobilem,
 qualiter redemptor orbis immolatus vicerit.*
 [Пой, язык, о великом сражении,
 Пой об окончании об окончании битв,
 Ныне с креста, награда / трофей,
 Громко воспой о победе,
 Расскажи, как Христос, искупитель мира,
 Жертва, одержавшая победу.]

Хвалить и обвинять опять,
 Миг улыбается, пока день невредим,
 И я, Адам, еще безгрешный —
 Как в начале нашем, я
 Адам — до любого деянья.

Вдыхаю — значит жив,
 Быть мудрым чаю,
 И быть другим любой ценой,
 Пусть даже к Раю
 Путь потеряю, смертен я, но море
 Незыблемо, гряда напряжена,
 И плоские деревни рыбацкой крыши
 В ложине спят, хотя
 Свежи и светлы, мне все ж не друзья,
 Ведь плоть им не равна, и с ними
 Не совладать ей, мой сообщник ныне
 Моим убийцей станет, имя
 Мое — залог в истории участия ради
 Заботы о лживом самозванце-граде,
 Боящемся задач, которых
 Востребует грядущий день.

1949

2. ЧАС ТРЕТИЙ

Пожав своей собаке лапу
 (Чей лай расскажет миру, что он добр),
 Палач спешит сквозь вереск на работу,
 Не ведая, кого поручат, чтоб исполнить
 Высокую работу Правосудья:
 Тихонько спальни дверь супружеской прикрыв
 (Сегодня снова у нее мигрень),
 По лестнице из мрамора судья
 Спускается со вздохом, он не знает
 К какому приговору приведет
 Его закон, что правит звездами; в саду
 Поэт вдыхает свежий воздух,
 Готовясь написать эклогу,
 Чью Правду он поведает, не зная.

Фей очага, кладовок и божеств
 Великих, профессионалов тайн,
 Кто в силах город уничтожить,
 Сейчас нельзя тревожить: нам в удел
 Остался тайный культ, и каждый
 На отраженный молится свой образ:
 «Дай мне прожить сегодня без
 Начальственных разносов, чтобы
 Тирадой он меня не уничтожил,
 Иль с девушками не вести себя ослом;
 Какое-нибудь чудо пусть случится,

Монетку бы найти на тротуаре
Или услышать новый анекдот».

Мы кем угодно можем быть в сей час:
Желаний только нет у нашей жертвы,
Кто уже знает (то, что мы ему
Простить не можем. Коль знает он ответ,
Зачем мы здесь, зачем здесь даже прах?)
Он знает, что услышаны молитвы наши,
Что ни один из нас не ускользнет,
Что без заминки будет мира механизм
Работать, что сегодня, только раз
Не будет перебранки на Олимпе,
Хтонических ворчаний о волненьях,
И без чудес иных, и что к закату
У нас наступит Пятница Страстная.

окт. 1953

3. ШЕСТЫЙ ЧАС

Смотреть нет нужды, как идет работа,
чтоб чье-то распознать призванье,

следить лишь нужно за глазами:
как повар делает приправу, а хирург

как первый делает разрез,
как заполняет фрахт чиновник,

у всех похожий поглощенный взгляд,
кто за работой о себе забыли.

Как он прекрасен, этот
взгляд-устремленный-на предмет.

Чтобы богинь оставить аппетитных,
внушительные алтари

Деметры, Реи, Афродиты,
Дианы — вместо них Фоке святому,²

Св. Варваре³ и Сан-Сатурнину⁴
или любому покровителю молиться,

чтоб тайны их достойным быть, —
шаг нужно дерзновенный предпринять.

2 Святой Фока (великомученик, казнен ок. 117 г. по РХ в правление императора Траяна), епископ Синопский, считается покровителем моряков.

3 Святая Варвара Илиопольская (великомученица, казнена собственным отцом, ок. 306 г. по РХ), считается покровительницей артиллеристов.

4 Сан Сатурнин (великомученик из г. Кальяри в Италии, казнен в 304 г. по РХ из-за того, что отказался поклониться Юпитеру). На острове Иския, где жил Оден, считается покровителем рыбаков.

Должны быть памятники героям безымянным,
оды, кто первыми свершили этот шаг,

и первому кремнедробильщику,
кто позабыл про свой обед,

и собирателю морских ракушек,
кто первым дал безбрачия обет.

Где были б мы без них?
Не одомашнены еще и дики,

бродили бы в лесах мы без
согласного созвучья нашим именам,

рабами Дамы были бы Благой,⁵
понятий всяких лишены о граде,

и в этот полдень, по смерти этой
агентов похоронного бюро не будет.

II

Нет нужды слышать, какие он приказы отдает,
чтобы узнать, есть ли авторитетность у него,

следить лишь нужно за его губами:
как смотрит, осаждая город, генерал,

как армия его ломает стену,
когда бактериолог мгновенно

понимает, что неверно
в его гипотезе, когда,

взглянув лишь на присяжных, прокурор
уверен, что повешен будет подсудимый,

их губы, линии их рта
расслабляются, приняв выраженье

не удовольствия простого
ради честолюбья, но удовлетворенья

от правоты своей и воплощенья
*Fortitudo, Justicio, Nous.*⁶

Они не слишком могут быть по нраву
(кто любит их?), но им благодаря

---

⁵ Так Оден называет Мать-Природу.

⁶ Сила, правосудие, разум (лат.).

мы примадонн и базилики обрели,
и словари, и пасторальные стихи,

и блага города:
без этих судейских ртов

(которые принадлежат по большей части
великим негодьям)

какой убогой была бы наша жизнь,
заклучена пожизненно в лачуге деревенской,

страшились бы и местных змей,
и водяного мы из местной речки,

на местном изъясняясь говорке
из трех сотен слов

(подумай о семейных дрязгах,
о подметных письмах и кровосмешенье),

и в этот полдень ни у кого не будет власти,
чтоб вынести здесь смертный приговор.

III

Где хотите, где-то на широкогрудой
дарящей жизнь Земле,

где-то меж влагожаждущих земель
и Океаном, негодным для питья,

толпа, как вкопанная, стоит
ее глаза (кажутся одним) и ее рты

(что бесконечным множеством покажутся)
нев्यразительны, совсем пусты.

Толпа не видит (то, что видит каждый)
по боксу матч, поезда крушенье,

спуск на воду линкора,
не любопытствует (но интересно каждому),

кто победит, корабль под каким флагом поплывет
и скольких заживо сожгут,

толпу нельзя отвлечь
(но каждый отвлекается всегда)

собачьим лаем, рыбным запахом,
на лысом черепе москитом —

толпа одну лишь видит вещь
(что может видеть лишь толпа):

явление того,
кто делает, что сделано уже.

В какого бога б человек не верил,
как бы не верил он

(нет полностью похожих двух),
как человек толпы он верит

и верит он лишь в то,
во что уверовать есть только путь один.

Немногие друг друга принимают, и ничего
не делает, как должно, большинство,

толпа ж не отвергает никого; к толпе примкнуть —
единственное, что все могут сделать.

Поэтому лишь можем мы сказать,
что наши братья люди все,

поэтому и выше
общественных скелетов без костей:

ослушались ли королев своих когда-нибудь,
на миг один работу прекратили

в провинциальных городках своих,
чтоб поклониться Князю мира⁷ этого, как мы,

в сей полдень, на горе сей,
по случаю сей смерти?

весна 1954

4. ДЕВЯТЫЙ ЧАС (НОНЫ)

Что мы знаем как невозможное,
Хотя раз за разом было предсказано
Дикими отшельниками, шаманом и сивиллой,
Кликушествующими в трансе,
Или открылось ребенку в случайной рифме,
Как *любить* и *убить*, приходит, чтобы уйти,
Прежде, чем это осознаем. Мы удивляемся
Легкости и скорости наших деяний
И чувствуем себя нелегко: едва ли три,
Середина дня, а кровь

---

⁷ Под Князем мира сего Оден понимает не только дьявола, но, как заметил Эдвард Мендельсон, и Левиафана, «общественного зверя». Mendelson, Edward. *Later Auden*. (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1999, p. 351.)

Нашего самопожертвования уже
 Засохла на травах; мы не готовы
 К тишине, столь нежданной и ранней;
 День слишком жаркий, слишком яркий, слишком
 Застыл он — слишком вечен, мертвые слишком ничтожны.
 Что будем делать мы до наступления ночи?

Ветер стих, и мы утратили публику.
 Безликое множество всегда
 Подбирает любое слово, которое следует сокрушить,
 Взорвать, сжечь, расщепить,
 Свалить, распилить, разрубить, разорвать,
 Расплавить без остатка. Ни один
 Из этих, кто в тени стен и деревьев сейчас,
 Растянувшись, мирно спит,
 Безобиден, как овечка, не может вспомнить,
 Почему он кричал или о чем
 Так громко на солнышке поутру; когда бы
 Допытывались, он бы ответил сразу:
 — «То был монстр одноглазый с красным глазом,
 Толпа глазела, как он умирал, я не взглянул ни разу». —
 Палач пошел умываться, а солдаты — есть.
 Мы остались одни с нашим подвигом здесь.

Мадонна с зеленым дятлом,
 Мадонна смоковницы,
 Мадонна желтой дамбы
 Воротят от нас свои добрые лица
 И от наших строек до их завершения,
 Смотрят только в одном направлении,
 Уставившись на нашу завершенную работу:
 Отбойный молоток, бетономешалка
 Подъемный кран и кирка ждут, когда их используют снова,
 Но как мы сможем повторить это?
 Пережив свое деяние, мы стоим, где остались,
 Так же отброшены, словно
 Выброшенные нами артефакты,
 Как-то разорванные перчатки, ржавые чайники,
 Заброшенные рельсы, изношенные, кривые
 Точильные камни, погребенные в крапиве.

Изувеченная плоть, наша жертва,
 Объясняет слишком обнаженно, слишком ярко
 Чары спаржевого огорода, цель
 Нашей игры в меловом карьере; марки,
 Птичьи яйца уже другие, — за чудом
 Дорожек вдоль канала и затопленных тропок,
 За восторгом винтовой лестницы,
 Мы теперь должны всегда себе отдавать отчет
 О деянье, к которому они привели: под
 Поддельной погоней и плененьем,
 Бегом, борьбой, всплесками,
 Одышкой и смехом
 Прислушайся к крику и безмолвью,

Которые последуют— где светит
Солнце, бегут ручьи, пишутся книги, всегда
Будет присутствовать эта смерть.

Вскоре холодная трамонтана⁸ всколыхнет листву,
Магазины в четыре откроются снова,
Пустой голубой автобус на пустой площади розовой
Заполнится и уедет: у нас есть время
Для искаженья, оправданья, отрицанья,
Извращенья, использованья этого события,
В то время, как под кроватью в отеле, в тюрьме,
В ошибочных поворотах, его смысл —
Затребовать нашу жизнь. Раньше, чем сделаем выбор,
Расплавится хлеб, загорится вода
И начнется великий вопль,⁹ Аваддон
Тройные виселицы поставит
У наших семи врат, заставит толстый Белиал¹⁰
Вальсировать нагими наших жен;
Пока же лучше пойти домой, если есть он,
Как бы то ни было, неплохо отдохнуть.

А наши грезящие воли, кажется, бегут
От этого мертвого покоя, блуждая
По острию ножа, по черно-белым клеткам,
По мхам, сукну и бархату, и доскам,
Буграм, расселинам и в лабиринтах,
Взмывающим и оползающим конусам гор,
Сквозь ворота, которые не запираются снова,
И двери с пометкой *Частное Владение*,
преследуемые Маврами,
Под слезкой латентных грабителей,
Во враждебные деревеньки на окраинах фьордов,
В темное шато, где всхлипывает ветер
В соснах и телефоны трезвонят,
Зазывая беду, в комнату,
Освещенную тусклой лампочкой, где сидит
Двойник и пишет, даже не поднимая головы.

Пока мы отделились так, наша угнетенная плоть
Работать может без помех, порядок
Восстанавливая, который мы пытались уничтожить, ритм,
Который мы нарушили со зла: клапаны
Закрываются и открываются четко, железы
Выделяют секреты, сосуды
Сокращаются и расширяются в нужный момент,
Жизненные жидкости текут

8 Северный ветер (итал.).

9 Цитата из «Макбета», когда леди Макбет, уговаривает своего мужа убить Дункана, предлагает напоить его охрану, а затем свалить на них вину, первыми подняв «великий вопль» («the great swell»: у Б. Пастернака: «громкий вопль» (Акт I, сцена 7).

10 Велиал, Белиал, Белиел — падшее ангелическое существо. Название происходит от ивр. בְּלִיַּאל (белиял) — «не имеющий жалости». В Библии имя Белиал (в синодальном переводе Библии чаще всего передается описательно) связано с такими понятиями, как «суета», «ничто». Считается самым сильным падшим ангелом, превосходящим даже Люцифера.

Чтоб обновить измученные клетки,
 Не зная точно, что случилось, но страшатся
 Смерти, как все создания, следящие теперь
 За этой точкой, как ястреб смотрит, не мигая, вниз,
 Следя, как самодовольно клюющим строем
 Проходят рядом куры,
 Жук, скрытый листьями травы, или олень,
 Глядящий робко сквозь прогалы леса.

июль 1950

V ВЕЧЕРНЯ

Если на горе, возвышающейся над нашим городом, известной всегда как Могила Адама, только в сумраке можно увидеть простершегося гиганта с головой, повернутой на запад, и правой рукой вечно покоящейся на бедре Евы,

можете ли вы узнать по тому, как он смотрит вверх на скандальную пару, что гражданин вправду думает о своей гражданственности,

так же, как сейчас можете услышать в воплях пьянчуги его мятежную печаль, рыдающую из-за отцовской строгости, в похотливых глазах видна безутешная душа,

озирающая в отчаянье все проходящие ноги в поисках какого-нибудь следа ее безликого ангела, который был рядом очень давно, когда желанье помогало ей возвыситься однажды, а ныне он исчез:

Ибо солнце и луна предоставляют нам свои утешительные маски, но в час гражданских сумерек все должны носить свои собственные лица.

Именно в этот час, сейчас наши два пути пересекаются.

Каждый одновременно узнает своего Антипода: то, что я обитатель Аркадии, он — Утопии.

Он замечает с презрением мой живот Водолея — я замечаю с тревогой его рот Скорпиона.

Он хотел бы увидеть, как я драю сортиры — я хотел бы, чтоб его отправили на другую планету.

Никто из нас не вымолвил ни слова. Каким опытом мы обменяться могли бы?

Глядя на абажур в витрине магазина, я отмечаю, что он так отвратителен, что никто в здравом уме его не купил бы — он отмечает, что он слишком для крестьянина дорог.

Проходя мимо рахитичного ребенка из трущоб, я отворачиваюсь; — он отворачивается, когда видит пухлощекоего ребенка.

Я надеюсь, что наши сенаторы будут вести себя, как святые, если не будут пытаться меня изменять — он надеется, что они будут вести себя, как *baritoni cattivi*,¹¹ и когда свет горит допоздна в Цитадели,

Я (кто никогда не был в полицейском участке) потрясен и думаю: «Если бы город был свободен, как утверждают, после захода солнца все его учреждения превратились бы в огромные черные камни» —

Он (кого избивали не раз) не удивлен вовсе, но думает: «В одну прекрасную ночь наши парни будут там работать».

Теперь вы можете понять, почему между моим Эдемом и его Новым Иерусалимом никакой договор невозможен.

В моем Эдеме человеку, которому не нравится Беллини, лучше бы не родиться — в его Новом Иерусалиме человек, который не любит работать, очень скоро пожалеет, что он родился.

В моем Эдеме у нас есть несколько машин-балансиров, паровозы без тендеров, наливные водяные колеса и другие прекрасные образцы устаревшей техники, с которыми можно развлечься; — в его Новом Иерусалиме даже повара будут отвергать машинку для консервирования огурцов.

В моем Эдеме источник политических новостей — сплетни — в его Новом Иерусалиме будет особая ежедневная газета с упрощенным правописанием для безглагольных.

В моем Эдеме каждый соблюдает обязательные ритуалы и суеверные табу, но у нас нет морали — в его Новом Иерусалиме храмы будут пусты, но все будут соблюдать рациональные добродетели.

Одна из причин его презрения — то, что мне нужно только закрыть глаза, пересечь железный пешеходный мостик к тропинке на берегу, проплыть на барже по короткому кирпичному тоннелю и

вот я стою в Эдеме опять, приветствуемый крумгорнами, двойными допioni, сордунами¹² и большим перезвоном из собора (римского) Св. Софии (*Die Kalte*)¹³:

11 Баритоны-злодеи (итал.) — из оперной терминологии, так как считается, что в итальянской опере баритоны в основном исполняют роли злодеев (например, роль Скарпиа в «Тоске» Луччини, граф ди Луна в «Трубадуре» Верди и др.).

12 Речь идет о духовых инструментах (перевод осуществлен при помощи «Музыкального словаря» Римана (<https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%A1%D0%A0/%D0%92%D0%A2/%D0%A1%D0%BE%D1%80%D0%B4%D1%83%D0%BD>) — Оден употребляет музыкальные термины из книги П. Хиндемита «Мир композитора», рецензию на которую Оден написал в 1952 г. и опубликовал в «Нью-Йорк Таймс бук ревью» 24 февраля 1952 г., как о том сообщает Эдвард Мендельсон: Mendelson, Edward. «Krum-horns, doppions, sordumes» *The W. H. Auden Society Newsletter* No. 27 (September 2006): 23. <https://audensociety.org/27newsletter-ForDuplexPrinting.pdf>

13 Холодная (нем.). Речь идет о католической святой Софии Римской (ум. ок. 304 г. по РХ), почитаемой в Германии, где с VIII в. мощи хранились в Германии (Эльзас, совр. территория Франции), где ее называют *kalte Sophie* («холодная»), и она является защитницей от простуды.

Одна из причин моей тревоги — то, что когда он закрывает глаза, он прибывает не в Новый Иерусалим, но в какой-то августовский денек бесчинств, где эллекины¹⁴ скачут по разрушенным гостиным и рыбачки врываются в Залу или

в одну из августовских ночей обвинений и казней через потопление, когда от нераскаявшихся воров (включая меня) избавятся, а те, кого он ненавидит, должны будут вместо этого ненавидеть себя.

Итак, бросив мимолетный взгляд, мы оглядываем статью другого. Наши шаги затихают уже, неисправимые, мы направляемся каждый к своей пище и вечеру.

Было ли это (как это должно было выглядеть для любого бога распутий) просто случайным пересечением жизненных путей, подверженных разным прихотям?

Либо также randevу двух сообщников, которые вопреки себе не могут сопротивляться встрече,

чтобы другому напомнить (стремятся ль к истине оба в глубине души?) о той половине тайны, забыть которую он больше всего хочет,

и заставляя нас обоих на долю секунды о нашей жертве вспомнить (когда б не он, я кровь мог бы забыть, когда б не я, он о невинности мог бы забыть),

на чем закланье (зовите его Авелем иль Ремом, кем пожелаете, это одна и та же Искупительная Жертва), аркадийцы, утописты, любимый старый наш демократии мешок, основаны:

Ибо без скрепления кровью (должна быть человечья, невинной быть должна), ни одна светская стена не устоит.

июнь 1954

VI ПОВЕЧЕРИЕ¹⁵

Когда желание и то, что пожелаешь,
 Уже не требуют вниманья,
 И ухватившись за возможность, тело,
 Орган за органом, бежит
 С растениями соединиться в их
 Покое, непорочнее, чем наш,
 Что более под стать реальным вкусам
 Теперь, когда прошел уж день,
 Вобрав последние дела и чувства, должен
 Настать воспоминаний миг,
 Когда все обретает смысл: настал, но все,
 Что я могу припомнить — лишь
 Домохозяек свару, хлопанье дверей,
 Обжорство старика и ярый взгляд

¹⁴ Речь идет о бесах — в «Божественной комедии» Данте (XXI песня «Ада») изображен Аликино (итал. Alichino) — один из бесов.

¹⁵ В Римском обряде аналогом повечерия является служба *Completorium* (русские римокатолики называют ее «Повечерие» (то есть после ужина).

Завистливый ребенка, действия, слова, любому
 Рассказу впору, ни смысла, ни сюжета
 Не вижу в нем — я ничего припомнить
 Не в силах меж полуднем и тремя.

Нет кроме звука ничего во мне —
 Ритм сердца, чувство звезд,
 Гуляющих вокруг лениво — оба
 На языке движенья говорят,
 Что я могу измерить — не прочесть:
 Быть может, сердце поверяет то,
 Что с нами меж полуднем и тремя случилось,
 Что созвездия и вправду
 О некоем веселии поют, что свыше
 Происшествий и пристрастий,
 Но знаю, что не знаю, что они
 Знают, что мне нужно знать,
 И презирая тщетный блуд фантазий,
 Позволь благословив сейчас обоих
 За сладость их отказов
 Сейчас принять разрыв.

Рывок мой от сейчас уводит в сновиденье,
 Меня без статуса оставив,
 Среди невымытых племен желаний их,
 У коих танцев нет ни шуток,
 Но культ магический для примиренья,
 Что будет меж полуднем и тремя,
 Обряды странные, что прячут от меня —
 Пойти ли, скажем, на юнцов,
 Что над оленем измываются в дубовой роще, —
 Не уболтают их ни взятки, ни угрозы,
 А пропустить неправду — шаг в ничто,
 В конце же для меня и городов —
 Тотальное отсутствие: что в бытие является,
 Должно опять уйти в небытие
 Во имя справедливости, а ритм —
 Вне меры или пониманья.

Поэты могут ли (иль телевизионщики)
 Быть спасены? Поверить
 В непознанную справедливость нелегко
 Или молиться именем любви,
 Чье имя позабыто: *liberaMe*¹⁶,
Libera C (мой милый C) —
 Всех сукиных сынов, кто никогда
 Не делают, как должно, ничего,
 Нас пощадите в молодые дни, когда
 Трясутся все, проснувшись; факты —
 Есть факты (и я узнаю точно, что случилось
 Сегодня меж полуднем и тремя),
 Чтoб на пикник нам разрешили тоже

¹⁶ Освободи, помилуй мя (лат.) — католическая заупокойная молитва.

Прийти, не пряча ничего, и к танцу
В движении примкнуть к перихорезе¹⁷,
Вкруг древа неизменного кружа.

весна 1954

VII ЛАУДЫ¹⁸

В листве щебечут маленькие птицы;
Клич петуха повелевает пробудиться:
В уединенье, для общенья.

Сияет ярко солнышко на смертных;
Соседей близость люди начинают сознавать:
В уединенье, для общенья.

Клич петуха повелевает пробудиться;
И колокол к заутрене зовет динь-дон:
В уединенье, для общенья.

Соседей близость люди начинают сознавать:
Благослови, Господь, и Царство, и Народ:
В уединенье, для общенья.

Уже к заутрене и колокол зовет динь-дон;
Вновь в брызгах мельницы кружится колесо:
В уединенье, для общенья.

Благослови, Господь, и Царство, и Народ;
Зеленый преходящий мир благослови, Господь:
В уединенье, для общенья.

Вновь в брызгах мельницы кружится колесо;
В листве щебечут маленькие птицы:
В уединенье, для общенья.

1952

---

¹⁷ Перихорисис или перихоресис, или перихорезис, или перихореза (др.-греч. *περιχώρησις* — «взаимопроникновение») — богословский термин, означающие взаимное проникновение частей друг в друга. При этом термин перихоресис не означает смешение или слияние двух частей, а лишь всегда означает нераздельное и неразлучное соединение одной и другой части.

¹⁸ Лауды (лат. *laudes* хвалы, хваления) — традиционная католическая утренняя служба.

ПРОЩАНИЕ С MEZZOGIORNO¹⁹

Карло Иццо²⁰

С готического севера бледные дети
 Виноватой культуры картошки,
 Виски-иль-пива, мы, как наши отцы,
 Едем на юг, в загорелые другие края

Виноградников, барокко, *la bella figura*,²¹
 В эти женственные города, где мужчины —
 Самцы, а дети не искусны в безжалостных
 Словесных схватках, как учат

В протестантских приходах в морозящий
 Воскресный полдень — мы уже не грязные
 Варвары, ринувшиеся за золотом, не к
 Барышники, охочие до Старых Мастеров,

Но все ж за добычей, — иные верят, что *amore*²²
 Лучше там, на юге, и гораздо дешевле
 (Что сомнительно); кто-то убежден,
 Что палящее солнце убивает микробы

(Что явно неверно), а другие, как я,
 Надеются в пожилом возрасте сорвать ветку
 Не того, кто мы есть, а кем можем стать, — вопрос
 Который юг никогда не затрагивал. Быть может,

Язык, из которого Нестор и Апемант,²³
 Дон Оттавио и Дон Жуан извлекали²⁴
 Равно прекрасные звуки, не приспособлен,
 Чтобы выразить это, или, возможно, в этой жаре

Это бессмысленно: Миф о Дороге,
 Бегущей за садовой оградой и манящей
 Трех братьев по очереди пуститься в путь
 За горы и в дальнюю даль — выдумка

Климата, в котором прекрасно бродить,
 И пейзажа, населенного меньше,
 Чем этот. Но и тогда нам покажется весьма странным
 Не увидеть, как единственный отпрыск

¹⁹ зд. юг (итал.)

²⁰ Карло Иццо (Carlo Izzo, 1901–1979), профессор английской и американской литературы, литературовед, критик, переводчик. Занимался творчеством Эзры Паунда, которого знал лично, Элиота, Одена, переводил Чосера, Спенсера, Филдинга и многих других поэтов и прозаиков на итальянский.

²¹ прекрасная фигура (итал.)

²² любовь (итал.)

²³ Нестор (др.-греч. Νέστωρ), один из старейших участников Троянской войны, мудрец, к совету которого прислушивались все вожди. Апемант — один из героев пьесы Шекспира «Жизнь Тимона Афинского», философ-скептик и мизантроп, доказывавший Тимону, что людям доверять нельзя и что почитают и любят его они из-за денег.

²⁴ Дон Оттавио и Дон Жуан — герои оперы Моцарта «Дон Жуан».

Поглощен придуманной им игрой; пара друзей
 Шутят на жаргоне, понятном им одним,
 Либо тело слоняется само по себе
 Против собственного желанья, даже когда слух

Сбит с толку там, где котов зовут «Кот», а собак —
 Лиро, Него²⁵ или Бобик. Их обед
 Нас посрамляет: мы позавидовать лишь можем
 Столь скромным вкусам, им ничего не стоит

Выпивка и еда. И все же (если я
 За десять лет научился верно читать их лица),
 На них нет надежды. Греки называли Солнце
 Тот-кто-разит-издалека, и отсюда, где

Тени с кинжальными краями, а днем голубой океан,
 Вижу, что они имели в виду: его немигающий
 Возмутительный глаз ухмыляется, издеваясь
 Над любой попыткой измениться или сбежать,

А безмолвный потухший вулкан, где ни ручейка, ни птицы,
 Вторит эхом этому смеху. Возможно поэтому
 Они сняли глушители со своих Vesp²⁶
 И включают радио на всю мощь.

И малейшего святого могут ошарашить ракетой — шум
 Как средство против магии, способ выразить
 «Бу-у» Трем Сестрам²⁷: «Мы, быть может, смертны,
 Но мы все еще живы!», что может заставить их тосковать

О близости — на улицах, набитых плотной
 Человечьей плотью, а души их неуязвимы
 Для всяких метафизических угроз. Мы шокированы весьма,
 Но нам нужен шок, чтобы принять пространство,
завладеть

Не поверхностными поверхностями,
 Не вульгарными жестами, которым нельзя
 Научить ни звуком водных потоков,
 Ни видом бегущих туч. Ученики

Мы неплохие, но учителя безнадежные: Гёте,
 Отбивающий Гомеровы гексаметры
 На плечике юной римлянки
 (Хотелось бы, чтоб это был кто-то другой),

25 Волк, Черныш (итал.).

26 букв. «оса» (итал.); зд. название марки мотороллера.

27 Очевидно, имеются в виду Парки.

Воплощение всех наших чаяний — без сомненья,
Он обращался с нею достойно, но нужно провести черту,
Вызвав порожденную по этому случаю Елену,
Царицу его Второй *Walpurgisnacht*,²⁸

А ее младенец — между теми, кто зовут жизнью
Bildungsroman,²⁹ и теми, для кого жизнь —
Значит быть-на-виду-сейчас, и зияет провал,
Не дающий объятьям сомкнуться. Если попытаться

«Податься на юг», мы избалуемся мгновенно, станем
Ленивыми, мерзко блудливыми и забываем
Оплатить счета — никто не слышал о том,
Чтобы дать Обет или заняться Йогой —

Утешительная мысль — в этом случае,
Несмотря на духовное мародерство,
Мы не наносим ущерба, что разрешает,
На мой взгляд, один короткий вскрик: «*A piacere!*»,³⁰

Не два. Уехать я должен, но уезжаю с благодарностью (даже
Какому-то *Monte*³¹), взывая к священным
Вершинным для меня именам: Пиранделло,
Кроче, Вико, Верга, Беллини,³²

Благословляя этот край, вино виноградников и тех,
Кто зовет его домом — хотя не всегда
Можно вспомнить, почему ты был счастлив,
Никогда не забудешь, что счастлив ты был.

(сентябрь 1958)

28 Вальпургиевой ночи (нем.).

29 Роман воспитания или воспитательный роман — тип романа, в котором показывается взросление и возмужание главного героя, как в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», «Кандид» Вольтера, «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо или «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена.

30 Как отрадно (итал.).

31 Фамилия домовладельца, который якобы отказался продать ему дом; букв. гора (итал.)

32 Луиджи Пиранделло (Luigi Pirandello, 1867-1936) — выдающийся итальянский драматург и писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1936 г. Бенедетто Кроче (Benedetto Croce, 1866-1952) — итальянский философ, критик, историк, автор «Эстетики» («полн. назв. «Эстетика как наука выражения и как общая лингвистика» (1902). Джамбатиста Вико (Giambattista Vico, 1668-1744) — выдающийся итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии, самая известная книга — «Новая наука» (*Scienza Nuova*), полное название: «Основания новой науки об общей природе наций» (*Principi di Scienza Nuova d'intorno alla Comune Natura delle Nazioni*, 1744). Джованни Верга (Giovanni Carmelo Verga, 1840-1922) — итальянский писатель-реалист, основатель «веризма», самые известные произведения «Семья Малавольо», «Малярия» и «Сельская честь». Беллини — очевидно, Винченцо Беллини (Vincenzo Salvatore Carmelo Francesco Bellini, 1801-1835) — выдающийся итальянский оперный композитор; но возможно также Джованни Беллини (Giovanni Bellini, 1430-1516) — самый известный представитель семьи венецианских живописцев эпохи Возрождения.

ДИТЯ СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЫ

*(Памяти Дитриха Бонхёффера,
замученного во Флоссенбурге, 9 апреля 1945 г.³³)*

Сказал, что выбор был у нас,
Мы, дети, думали: «Отец
Прибегнет к силе в крайний час,
Когда упрямец и гордец

Совсем забудет Божий страх».
Тогда нам было невдомек,
Что смысл в Его речах
Буквален, как итог.

Скорбит о нас или угрюм,
Страшней какое наказание —
Уже предмет досужих дум —
Гнев или состраданье?

Каким почтением воздам —
Его столь странно Божество,
Коль Им же созданный Адам
Творит дела Его?

Отрадно было б, чтоб исторг
Из нас Его Всечеловек
Хотя бы трепет иль восторг,
Как было в давний век,

Где ниц склонялись пред царем,
Теперь не страшно, не печально,
Где каждый жив своим умом,
А попросту банально.

Сбываться или нет мечтам —
Здесь все Ему подвластно,
Чего добиться этим, нам
По-прежнему неясно.

Так как прогнали все сравненья,
Основа чувств, опора вере,
У нас нет средств постичь явленья
В реальном мире в полной мере.

Пора привыкнуть, что нельзя
Существованья доказать

---

33 Дитрих Бонхёффер (нем. *Dietrich Bonhoeffer*; 1906-1945) — немецкий лютеранский пастор, теолог и мученик, один из создателей Исповедующей церкви, автор книги «Сопротивление и покорность»; один из ранних противников нацизма, казнен как участник антинацистского заговора. Когда в 1938 г. ему предложили остаться на преподавательской должности в США, он ответил: «Я должен пережить этот сложный период нашей национальной истории вместе с христианами в Германии. У меня не будет права участвовать в возрождении христианской жизни после войны, если я не разделю с моим народом испытания этого времени».

Иль опровергнуть нам, друзья —
Не сорвана печать.

А ту печать сорвал ли Он,
Восстал ли вновь? Сомненья тень,
Все ж кто не верит, убежден
Что ждет нас Судный День.

Пока ж безмолвье на Кресте
Мертво, как будем мы когда-то,
Весть об утратах в пустоте
И прибылях Распятый

О чем — вольны гадать мы — Лик
Поруганный Того ослаб,
Кто на миру страдал и сник,
Как самый низкий раб.

1958

*Перевел с английского,
подготовил комментарии и публикацию
Ян ПРОБШТЕЙН*

Михаил Зуев, «Грустная песня про Ванчукова»
М.: АСТ, 2021. — Городская проза

РЕЦЕНЗИИ

Разговоры, ведущиеся сегодня о том, что слишком мало у нас литературы, основанной на жанровых традициях, имеют, конечно, основания, но в случае с «Грустной песней про Ванчукова» Михаила Зуева стоит поговорить о другом. А именно — откуда берутся авторы, темы и силы для создания подобной семейной саги, истории рода в трех поколениях, по сути, биография страны.

Автор романа — по профессии врач-реаниматолог, в девяностые писал книги по интернет-маркетингу, не так давно издал фантастический роман «Патч», многое из которого было предугадано и отобразилось уже в сегодняшних реалиях. В романе же о Ванчукове речь поначалу идет о вещах, далеких и от медицины, и уж тем более от интернета. Нам рассказывают о рабочих циклах и заводских буднях в контексте личной жизни героев романа, и эти категории — производство и семья, быт и любовь — объединены и неотъемлемы в их судьбе. «Ванчуков пришел на завод в тысяча девятьсот тридцать первом, — узнаем мы об отце героя. — Было ему шестнадцать, комбинату — два. Строящийся днями и ночами без остановок комбинат не смог стать сыном Ванчукову: слишком мала разница в возрасте. Но комбинат уже родился его младшим братом. А братьям старшим судьбой положено отвечать за младших. Судьбой и жизнью. Так заведено».

Таким образом, перед нами настоящая энциклопедия советской жизни, полная героических историй, лирических эпизодов и философских ответов на вопросы о жизни и смерти. Три поколения семьи Ванчуковых, живущих в романе — это три эпохи, в которых формируется характер будущего героя нашего времени: от Сталина до Горбачёва, от большого террора до лихих 90-х. Как же он, герой с характером? И чем заняты отцы его поколения, воспитавшие в нем чувство правды и ответственности. «Здесь — работают, — звучит рефреном в романе. — Если здесь не будут орать, клясть друг друга на чем свет стоит, не будут тянуть из себя жилы, не будут жизнь класть ради плана каждый день — комбинат встанет. Здесь, за хлипкой, с расхлябанными петлями, грязным дерматином с ватином оббитой дверью, инженерный талант, матерная ругань и вера во что-то такое, чему нет имени и быть не может цены — переплавляются в невидимую глазу сталь».

Автор романа владеет цифрами, фактами, аналитикой, причём далекой советской эпохи, и все это на профессиональном уровне, которому бы позавидовали мастера «производственной» прозы тех времен. С другой стороны, явственен автобиографический момент, который автор подтверждает в своих интервью, и устная (семейная) память переключается в этой истории с личным опытом. И если уж причина создания такого масштабного полотна, как «Грустная песня про Ванчукова», не была «автобиографической», то уж о «романе воспитания» — жанре отжившем, но единственно подходящем в нашем случае — можем говорить уверенно.

Главный герой романа Ольгерд Ванчуков, чья юность при-
шлась на семидесятые-восемидесятые, — яркий представитель эпохи «перестройки», доживший до девяностых и оставшийся

в профессии. Не бандит, не жулик, не убийца, а врач и профессионал высшей пробы. Был ли его прототип в действительности, или это сборный портрет героя того времени? В жизни у него — сплошное выживание, ломание стен и набивание шишек, и в результате — коммерческий успех: совместное медицинское предприятие с американцами. При этом читателю может показаться странным некий диссонанс в «родовом» и «наследственном» процессе. В семье Ольгерда Ванчукова — два поколения строителей жизни, и вдруг — смена «производственного» жанра и переход на совсем другой регистр повествования. В первых главах романа — это симфония монументальных свершений и тектонических экономических сдвигов. «Для непосвященного все, что творилось за окном, представляло хаосом, — подтверждает автор. — Опасным хаосом. Шум — гром — бух! — трах! Клубы серной тухлеющей воняющей пара, столбы дыма; непрекращающаяся тошнющая сладковатая вонь аглофабрики; алчные сполохи багрянца в чревах гулких домн, протяжный сип мартенов; свистки маневровых "кукушек", тянущих упирающиеся хвосты покоцанных вагонеток по изъеденным рельсам на трухлявых шпалах; алчный язг раскаленных прокатных станов; неотмываемая с торжественно-чеканных человеческих лиц жирная сажа; раскаленные хищные осы стальных искр, прогрызающие брезент роб; негнущиеся рукавицы, пудовые "пробивняки" в разбухших от натуги руках; острый, отрыжкой в нос отдающий вкус соленой газировки, наплескиваемой ржавыми цеховыми водяными автоматами в обгрызенные мутные граненые стаканы».

Дело все в том, как объясняет автор, что в начале великих строек на отцов вроде старшего Ванчукова был социальный заказ, и даже прикрывались глаза на его «белокостное» происхождение. А в случае с Ольгердом, вышедшим в открытое плавание по жизни фактически в 90-е, такого заказа уже не было, выживали как могли сами, без подсказки партии и правительства. И это не деградация главного героя — умного, честного, яркого — а на то, как видим, были социальные, а не генетические причины. В то же время, когда уже звучит не заводская симфония, а джаз и рок нового поколения, «молодежные» годы страны — пятидесятые, семидесятые — в которые герои романа живут и стильными, и меломанами, слушая «Шокин Блю», «Назарет» и «Пинк Флойд», — все показано не с парадного фасада, а как раз изнутри. Где жили и радовались жизни, подпольной музыке, крамольному самиздату. «Выпили. О чем-то базарили. Еще выпили. Вадим достал с полки конверт. Поставил пластинку, сел рядом с Ольгердом, бросил конверт на пол. На конверте была видна белая кирпичная стена и коряво, будто трясущейся наркоманской рукой накорябано: Pink Floyd. The Wall. С первым сопением губной гармошки Ванчуков улетел».

И только с любовью в романе не сложилось. Бросают героя, бросает он, и даже сублимация в работу, поездки в Англию и Америку не заменяют полноценной семьи, которой, собственно, никогда не было и у его отца. И это, выходит, не одна из черт поколения перестройки, ждущего перемен, и не родовая травма девяностых, поскольку причины всему стоит искать только в себе. И никакой социальный указ не оправдает «родовой» грусти в глаза Ванчукова, который останется для тех, кто его знал, настоящим героем своего времени, дождавшимся, наконец, перемен.

Анастасия ПОПОВА

**Ирина Голубева, «Колыбельная сентябрю»
М.: Издательство Евгения Степанова, 2021**

*«Скажи, что любишь, что этот путь
не выпадет без меня».*

Ирина Голубева

В книге поэта и музыканта Ирины Голубевой «Колыбельная сентябрю» представлено избранное автора.

Большую часть сборника занимают стихотворения о природе. Однако в пейзажные произведения изысканно вплетается философская и любовная лирика. Для поэзии Ирины Голубевой нередки интересные составные и разноударные рифмы.

Например, мне запомнились неточные составные в стихотворении «Роман» (местности//вместе мы; косогор//до сих пор).

Роман — это, видимо, просто название местности,
прохладная роща, за нею крутой косогор.
Когда-то, наверно, ты помнишь,
гуляли в ней вместе мы,
нас нет там давно, а деревья шумят до сих пор.

А в строфе из произведения «Карадаг. Прибой» помимо неожиданной неточной разноударной рифмы с внутренним замещением (старика//статика) красоту стиха создают аллитерация, а также оригинальный слог, сказочные и мелодичные образы.

По эту сторону моря
видна никчемность теорий
любых. Горы помнят горе
татарина-старика.
Из всех стремлений простое
движение волны в прибое
присутствует, остальное —
высокая статика.

Больше всего мне полюбилось произведение «Вчера». Не только посыл, авторская идея, но и техничность стихотворения удивляют своей искусностью. Внутренние рифмы, бегущий ритм, свободная цезура не дают передохнуть, заставляют прочитывать строки, как говорится, на одном дыхании.

А помнишь взгляд, как тугой канат
натянут в храме полупустом
меж нами, и музыкантов ряд...
И спросишь ты: «Что потом?
Под вечер, завтра, когда-нибудь,
то в радости, то судьбу кляня?..»
Скажи, что любишь, что этот путь
не выпадет без меня.

Ирина Голубева — необычный автор. Ее стихи свежи, просты, но в то же время старательно отточены. «Колыбельная сентябрю» — отличный сборник, чтобы оценить мастерство поэта.

Полина ГОРОДЕЦКАЯ

**Лео Бутнару, «Будда и полицейский»
М.: Издательство Евгения Степанова, 2022**

«Будда и полицейский» — книга из серии «Аванганды», которую румынский поэт Лео Бутнару сам же и перевел с румынского языка на русский, получилась насыщенной глубокими смыслами, а по форме — неторопливо-содержательной. Авторский перевод, выполненный под редакцией Игоря Лоцилова, потребовал от поэта усилий, ибо задача переводчика в том, чтобы стихотворение звучало как оригинал. Сделать это самому автору не так-то легко, даже если он одинаково хорошо владеет двумя языками. В то же время, кто лучше самого автора знает, что именно он хотел сказать? Выступая соавтором собственных стихотворений, Лео Бутнару лавирует между языковыми ограничениями, присутствующими в оригинале, и особенностями русской грамматики. Невозмутимость Будды вкупе с позицией наблюдателя жизни наполняет его стихи особой философской глубиной, как, в частности, стихотворение «Сердце»:

сердце человека умирает
на своем рабочем месте
(или, может быть,
на месте борьбы)
жизни
и смерти

Жизнь конечна. Не спасут ни пластические операции, ни коронарное шунтирование. Осознание неотвратимости смерти Лео Бутнару укладывает в несколько строк, в которых источник жизни метафорически соотносится с бойцом на передовой. В этой книге все стихи такие — концентрированные, короткие метафоры, иной раз парадоксальные, зачастую остроумные («и тогда нимб соскользнет на плечи/ и может повиснуть на шее, как петля»), и всегда — неожиданные, как притчи. Лео Бутнару прекрасно знает: поэзия занимается главным. Метафизическим. Не поддающимся описанию, как, скажем, в стихотворении «Или»:

У меня такое чувство, что
иногда
внутренняя моя натура
интуиция
тайна моего существования
подвергают меня испытанию с
как будто неуместными желаниями
но делать нечего — или
я попытаюсь их исполнить
или я отказываюсь от поэзии

А вы как хотели? Компромисс — смерть поэзии. Она всегда предельно вещественна. Вольное начало творческого духа — базис поэзии — не терпит ограничений, поэт, в отличие от других деятелей искусств, сам создает форму и наполняет ее содержанием. Для этого поэту требуется большая смелость — и чтобы назвать вещи своими именами, и чтобы высказаться так, как никто другой не умеет. Потому у него вызывают сострадание муравьишки в человейниках, смешные в своих попытках спрятаться от неизбежного по принципу: если на что-то не обращать внимания, то оно как бы не существует. Лео Бутнару довольно-таки сдержанно описывает страх смерти в коротком стихотворении «Сказ о песочных часах»:

...простые смертные держат свои песочные часы на макушке,
чтобы не увидеть, когда пройдут через них
последние

п
е
с
ч
и
н
к
и
.
.
.

Обратив внимание на графическую оригинальность стихотворения, которая подчеркивает экзистенциальный смысл стихии песка, мы видим, что оформление становится важным компонентом осмысления текста. С песком очень тесно связана тема угасания, разрыва. Этот завораживающий материал обладает способностью принимать любые формы, течь сквозь пальцы, быть сырым и тяжелым или рассыпаться по ветру... Песок — это, по сути, прах. Останки камня, бывшего некогда твердым и монументальным. Энергия времени, втекающая в материальный мир из мира непроявленного. Держать чашу песочных часов на голове — значит не осознавать бренности собственного бытия. Про таких людей говорят: «живет, будто у него в запасе вечность». Закрывать глаза — тоже архетипичный образ, дополненный тревожным, «капающим на мозг» вертикальным многоточием. Этот зрительный образ уже сам по себе несет мощный смысл, а текст лишний раз подчеркивает, насколько красноречива графика стихотворения.

Лирика Лео Бутнару аккумулирует светлую духовную энергию. Вместе с тем, его лирического героя отличает открытость, незавершенность самопознания — и познания Бога в себе, как, допустим, в стихотворении «Ближе»:

Боже Всесветный
подойди поближе
еще ближе — свет твоих звезд
твоих солнц слишком слаб
и я не могу разглядеть Твое лицо

Картина мира лирического героя Лео Бутнару не лишена высшего смысла. Сколько сил уходит на преодоление тьмы! «Будда и полицейский» — замечательная книга, в которой норма поведения человека излагается полноточным свободным стихом («Спасательное»):

Твоя совесть
это свет в лучах которого
между тобой
человеком
и
твоей тенью
возможно все-таки
невозможное — появление
спасательного
пространства

Ольга ЕФИМОВА

Саша Кругосветов. Счастье Кандида
М.: АСТ, 2021. — Городская проза

В романе Саши Кругосветова «Счастье Кандида» построен целый мир, такая ойкумена дружбы и братства, обитатели которой живут как бы сквозь время и наблюдают жизнь сквозь окружающую толпу непосвященных. Живут, стоит отметить, в разной среде обитания — в квартире, на городской свалке, в подвале — но объединены едиными принципами. В первую очередь — осознанием собственной элитарности (читай: ненужностью никому), и потом уже всяческой метафизикой. Сквозит в этих обитателях что-то вроде Пустоты, которую как философию и феномен в различных видах они демонстрируют в своей жизни — дружбе, любви, книгах. В романе есть даже «писатель пустоты», издающий книги с пустыми страницами, словно Василиск Гнедов в начале прошлого столетия.

Впрочем, роман Кругосветова — это не «Поэма конца», здесь все только начинается. По сюжету, главный герой книги — некий Кент, он же Юра Разделов, гражданин без определенного места жительства, который в 90-х поднялся на вершину финансовой пирамиды, а в нулевых все утратил, и бизнес у него отобрали. Некоторое время Кент отсиживался в палатке, где и произошла переоценка ценностей, и нашему герою захотелось любви. В поисках любви Кент возвращается мыслями к тете Зине и кухне из своих эро-юношеских воспоминаний, встречается со старым другом Румбом и его девушкой Линой, с преученым Шародем, с королями свалки Шплинтом и Сявой, знакомится с их дамами сердца, представительницами древнейшей профессии, с упомянутым «писателем пустоты» Наумом Плезневичем, с адвокатом Гезником, со следователем Прихватовым. И после долгих мытарств находит, наконец, свою возлюбленную Надю, с которой, как оказалось, давно знаком.

Стоит отметить, что действие романа происходит в Петербурге, но опрокинутом в «альтернативную» перспективу. Старосветская галантность героя — молодого интеллектуала, которого упомянутый Шародей нарек Кандидом (из фарса Вольтера) — контрастирует с новейшими технологиями и футуристическим ландшафтом. Все мирское в этом мире, пардон за тавтологию, не важно — деньги берутся буквально из воздуха (Шародей презентовал специальный девайс по криптовалюте), жилплощадь — вообще из ниоткуда, как у Кржижановского в «Квадратурине». «Его подвал, накачанный энергией вакуума, заметно увеличился в размерах. Вернее в длину и глубину он и так был вполне себе хорош, потому что занимал всю площадь дома на Кавалергардской. А вот потолок его существенно поднялся, стена со стороны двора стала намного выше, но появилась еще и стена со стороны Кавалергардской».

А кухня в романе, знаете, какая? Стоит отведать! «Картошка, запеченная в наноглюонной духовке, политая соусом обыкновенным с привкусом горьковатой эстонской русофобии. Мухоморы тушеные, с остатком легкого галлюциногенного эффекта. А еще: зонтики борщевика жгучего, клецкевина и ярко-оранжевые ягоды ландыша. Всем известны ядовитые свойства этих растений, но, будучи припущенными на парах свинца и ртути, они почти полностью теряют свои вредоносные свойства, зато придают блюду пикантную остроту. Пожалуй, только зубчики чеснока получились не особо острыми — надо было предварительно наточить их с помощью шлиф-машинки. Зато есть дурман, белена, вороний глаз четырехлистный. И самое главное: копытца, когти, сердце, почки, уши и гениталии тасманийского дьявола — теперь есть возможность заказать всякое такое через интернет и через пару часов получить замороженную тушку с любого континента — есть мнение, что гормоны этих органов дают отведавшему их жизненную устойчивость, смелость и умение постоять за себя в трудной ситуации».

И еще подтверждение «уютного мирка». «— Ну-ка говори, Люси, как тебе новая соседка и чем она занималась, пока дремал демиург нашего крошечного квартирному мирка?» — спрашивает Кент у своей ящерицы, с которой не расстанется в своей «подвальной» жизни. Люси в романе — что-то вроде талисмана, отсылающего к древним магическим практикам и одновременно — к мировой литературной классике, в которой и мышь Соня у Кэрролла, и хозяйка Медной горы у Бажова, превращавшаяся в аналогичного персонажа. Талисмана, добавим, оберега и даже «душевного» компаса с барометром стиля. «Лина задумчиво вздохнула, выразительно посмотрела на Кента и опять ничего не сказала. Только потянулась вперед — якобы, чтобы достать с блюда кусочек картофеля, но так, чтобы все увидели в полной красе контур ее замечательно очерченной груди. Люси тоже заметила этот маневр и демонстративно отвернулась — она терпеть не могла любые проявления манерности и жеманства и никому, кроме себя, не прощала такого поведения».

В предисловии Евгений Попов отмечает, что перед нами «роман, сочетающий юношескую писательскую наглость с житейским опытом все повидавшего советского человека», и тут же добавляет, что автор не прост: «Это его персонаж — наивный Кандид, а сам автор земной человек, видел многих будущих знаменитостей, общался с ними. Не случайно один из главных персонажей романа — вылитый легендарный питерский композитор Олег Каравайчук, тени Юрия Темирканова, Давида Голощекина, Вячеслава Полунина — полноправные персонажи нового «Кандида».

Стоит уточнить, что главный герой хоть парень бойкий и нахальный, как иногда настаивают в разговорах друзья, да система Станиславского, уж простите, позволяет усомниться. Уж очень наш Кент обходителен, вежлив (особенно с дамами) и галантен, как... Словом, не Пелевин уж точно. Какой-нибудь, извините, Булгаков или Зощенко вернули бы сравнение куда лучше, но искусенное большинство и без этого воскликнет: «Не верю!» При этом один из упомянутых классиков точно бы согласился. «Накинув на плечи плащ, обмотав шею легким шарфом, в шляпе, с тростью в одной руке и ведром в другой, элегантный, словно абсолютно непостижимый Зощенко, Кент вышел на Кавалергардскую».

При этом мы еще Хармса и Кржижановского не упомянули, которые в «Счастье Кандида» на каждом шагу — изменяющееся пространство, выпадающие не старухи, но посетители магазина канцтоваров на Кавалергардской, слетающие со сходней, которые пришлось пристроить, поскольку подвал главного героя увеличился, «подвинув» разбухшее соседнее пространство. В подобных категориях и таком контексте герои нулевых, к коим настойчиво причисляем Кента, точно не мыслили свои приключения. Максимум Липскеров, если говорить о мистике быта. Пелевин — само собой, но у него стилизация, а так чтобы вроде Аксёнова с «Альтистом Даниловым» под ручку — это точно автор «Пространства Готлиба».

И вот еще в чем отличие этой прекрасной романтической прозы от современной литературы пластикового бытия. Герой, отпуская с миром юного гопника, думает о том, что поздно тот на свет родился. «Хороший бы из него комсомольский вожак получился. Или преданный делу гэбэшник. Честный и человечный. Именно такие как раз там и нужны были в свое время. А теперь на них уже нет запроса». Горькая ошибка в том, что запрос на все и всех никуда не девался, ведь «молодежные» дела всегда были на особом счету. А запрос, как подсказывает жизнь, на них всегда бывает. Тут уж к Сорокину не ходи.

Евгений КРАПИВИН

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Любовь Берёзкина — поэт, музыкант. Родилась в Ленинграде. Живет в городе Мендиг (ФРГ). Член Союза писателей XXI века. Любовь Берёзкина публиковалась в журналах, газетах и сборниках, в том числе: литературный журнал «Викинг — литературный Новгород», «Невский альманах», альманах «Откровение» (Ивановский отдел СПР), сборники под редакцией В. Ф. Чернова «Здравствуй, муза» и «Свет зари», а также сборники издательства «Нордост» (СПб) «И звезда с звездой говорит» и «Русь, взмахни крылами», «Антология русскоязычных поэтов — 2000» (Мюнхен), антология «Прощание с Вавилоном. Поэты русского зарубежья» (2014), альманах «Третий этаж» (Берлин, 2018), «Берега. Берлин», «Крещатик», «Русский глобус», «Твоя глава», «Семь искусств», «Ренессанс» (Киев), «Парус», «Зинзивер», «Поэтоград», «Сетевая словесность». Авторская книга «Раскрыть стихотворение и взять...» (изд. «Стеклограф», М., 2020). Лауреат международного фестиваля «О России с любовью», (Прага, 2021), фестиваля «Звезда Рождества, 2016» (Запорожье), фестиваля «ЛитКузница 2021» в номинации «Иностранная поэзия», межрегионального конкурса «Яблочный Спас» им. Е. П. Гусева, 2021, финалистка международного конкурса им. И. Н. Григорьева, 2014, дипломант фестиваля «Звезда Рождества, 2014», конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дм. Симонова, 2021, шорт-листер «Жижицы 2020».

Глеб Гаврилов — прозаик. Родился в 1954 году в России, в городе Кемерово, в семье партийного работника и главного врача центральной городской больницы, долгое время проживал в Туркменистане, куда семья переехала из-за тяжелой болезни отца. В 1971 г. поступил в Донецкий медицинский институт. С 1977 года, после окончания Донецкого мединститута, живет в городе Полтаве. По специальности — врач-терапевт, работает зам. главврача областной больницы и главным внештатным экспертом области по вопросам экспертизы временной нетрудоспособности. В художественную литературу пришел семнадцать лет назад. Писать прозу начал на пороге 50-летнего рубежа. За прошедшие годы написал 14 произведений: романы, повести, рассказы. Кроме того, было написано большое автобиографическое произведение, которое автор назвал неспешными записками. Произведения печатались в Полтавских книжных издательствах. Произведения пишет и публикует исключительно на русском языке. Является лауреатом XVII общенационального конкурса «Українська мова — мова єднання», 2016 год, шорт-листером VII и VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», 2016 и 2017 годы, дипломантом IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2018 года, номинантом конкурса «Писатель года», 2017. Член Союза писателей XXI века.

Полина Городецкая — поэт, литературный критик. Ученица 11 класса московской школы. С 2016 года занимается на ПЛК (Профессиональные литературные курсы при СП XXI века), в семинаре поэзии Е. В. Степанова. Постоянный автор газеты «Литературные известия».

Ольга Ефимова — поэт, прозаик, литературный критик. Окончила экономический факультет МГПУ по специальности «менеджмент в сфере образования». Публиковалась в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Цвет

ные строчки», «Зинзивер», «День и Ночь», «Зарубежные записки», альманахе «День поэзии», газетах «Экслибрис НГ», «Литературные известия», «Поэтоград». Родилась и живет в Москве.

Ольга Иванова — поэт. Родилась в Москве. В 1995 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького, отделение поэзии (творческий семинар Олеси Николаевой и Владимира Кострова). С 1997 г. состоит в Союзе писателей Москвы. Публикуется в периодике с 1988 г.: «Новый мир», «Континент», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Литературное обозрение», «Арион», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новый журнал», «Новый берег», «Новая реальность» и т. п. Выпустила семь книг стихов.

Леонид Корниенко — прозаик. Родился в 1954 году в Калининградской области. Окончил Кировоградский педагогический институт. Автор нескольких книг. Печатался в журналах «Дети Ра», «Знание — сила. Фантастика» и др. Член Союза писателей XXI века. Живет в Финляндии.

Ванши Махешвари — поэт. Родился в 1948 году в городе Сангахера Хурд, недалеко от Пипарии, Мадхья-Прадеш, Индия. Редактор-издатель литературного журнала «Танаав» (Напряжение) с 1972 года, который регулярно публикует стихи на разных языках. Автор многочисленных книг и публикаций.

Борис Михин — поэт, литературовед, член Союза писателей России, лауреат литературных премий. Живет и работает в Москве. Родился в 1970 году. Член Союза писателей России (МГО), член Союза писателей-переводчиков при Московской городской организации Союза писателей. Награжден медалью А. П. Чехова, медалью «60 лет МГО СП», памятным знаком «Союз писателей России». Автор нескольких книг стихов, а также многочисленных публикаций в интернете и в печатных изданиях, в том числе в журналах «Новая литература», «Страна Озарение», «Карамзинский сад», «Союз писателей», альманахах «Диалог поколений», «Российский колокол» и других. Стихи Бориса Михина переведены на венгерский и немецкий языки. Номинант литературной премии «Книга года» (2012), дипломант конкурса «20 лучших поэтов года» (2012), победитель конкурса альманаха «Российский колокол» и интернет-конкурсов «Диалог поколений» и «Свежий ветер».

Елена Мордовина — поэт, переводчик. Родилась в 1976 году в Хабаровске в семье военнослужащих. С 1993 года живет в Киеве. С 1994 по 1999 училась на биологическом факультете Международного Соломонова университета. Защитила магистерскую работу по биоразнообразию, по теме теоретических основ построения диагностических ключей в биологии и практических подходов к идентификации видов хищных млекопитающих.

Профессиональная деятельность включает в себя работу во Всеукраинской экологической лиге и Орхусском центре при Минприроды Украины (2001–2004), Консорциуме «Международный научно-информационный центр диагностики и реабилитации биологических и экологических систем от последствий техногенных воздействий» МЧС и НАН Украины, Институте биохимии им. Палладина НАН Украины (2014–2016, в редакции научного журнала «Украинский биохимический журнал», преимущественно как англоязычный редактор). Член Всеукраинской экологической Лиги с 2002 года.

Уистен Хью Оден (англ. Wystan Hugh Auden) — англо-американский поэт. Родился в 1907 году в Йорке (Великобритания). Умер в 1973 году в Вене (Австрия). Одена называют одним из величайших поэтов XX века; он писал в жанре интеллектуальной лирики, обращаясь как к социально-радикальной, так и к философско-религиозной проблематике («В настоящее время», «Ахиллов щит», «Дань Клио»). Стал лауреатом Пулитцеровской премии по поэзии за барочную эклогу «Век тревоги» (1948). Оден также получил Премию Боллингена (1953), Национальную книжную премию за сборник «Ахиллов щит» (1956) и Национальную литературную медаль (1967).

Ян Пробштейн — поэт, переводчик поэзии, литературовед, канд. фил. наук, доктор литературоведения (Ph.D.), профессор кафедры английского языка и литературы (Touro College, New York). Родился в 1953 году. Составитель, редактор, автор предисловия, комментариев и один из ведущих переводчиков книги «Стихотворения и избранные Cantos» Эзры Паунда (1 т., СПб, Владимир Даль, 2003), «Стихотворения и поэмы» Томаса Стернза Элиота (М., АСТ, 2013), «Полное собрание пьес и стихотворений Т.С. Элиота» (СПб.-Москва: Азбука-Иностранка, 2019), «Испытание знака», Избранные эссе и стихотворения Чарльза Бернстина (М.: Русский Гулливер, 2020). Участвовал в издании «Собрания стихотворений» Дилана Томаса (М.: Рудомино, 2015), автор 12 книг стихов и нескольких книг эссе и литературоведческих исследований на русском и английском языках. Стихи, переводы, эссе и статьи печатались также в журналах «Новое литературное обозрение», «Иностранная литература», «Дети Ра», «Новый мир», «Крещатик», «Новая юность», «Prosodia», «Арион», «Плавучий мост», «Квадрига Аполлона», «Гвидеон», «Поэзия», «Новый Журнал», «Континент», «Стрелец», «Время и Мы», «Семь искусств», в электронных изданиях «Литература», Textonly, Gefter.ru, Textura.by, «Облака», «Сетевая словесность», в альманахах «Новая кожа», «Зарубежная Россия», «Связь времен» и в других периодических изданиях. Всего около 500 публикаций.

Сону Саини — переводчик, филолог, преподаватель. Родился в 1984 году в Дели, Индии. Защитил докторскую диссертацию по русской документальной литературе в Делийском университете, а затем несколько лет занимался преподаванием русского языка и литературы там же. Ныне работает старшим преподавателем в Центре русских исследований в Университете Джавахарлала Неру. Является одним из популярных индийских специалистов по русской литературе и русскому языку. Проявляет особый интерес к переводу художественной литературы с русского/английского языков на хинди и с хинди/английского языка на русский язык — перевел произведения М. Зощенко, А. Чехова, И. Бунина, А. Пушкина и др. Считается одним из ведущих молодых экспертов в области инновационных технологий обучения русскому языку. Получил ряд наград в Индии и за рубежом за свой труд. Автор более 10 книг и более 30 статей. Бесплатно преподает русский язык на своем веб-сайте www.sonusaini.com. Лауреат многочисленных премий.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра», «Зарубежные записки» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в поселке Быково (Московская область).

Алла Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

Нильс Хав (Niels Hav) — датский поэт и мастер коротких рассказов, получивший награды Датского художественного совета. Автор семи сборников стихов и трех книг прозы. Его книги переведены на многие языки мира, включая русский, английский, арабский, турецкий, голландский, фарси, сербский, албанский, курдский и китайский. Второй сборник его английских стихов «Мы здесь» издан в Торонто. Его стихи и рассказы были опубликованы в большом количестве газет и журналов в разных странах мира (России, Бразилии, Албании, Ираке, Иордании, Иране, Турции, Голландии, Бейруте, Канаде, Тарту, Македонии, Исландии, Норвегии, Сербии, Литве и т. д.). Он много путешествовал и участвовал в многочисленных международных поэтических фестивалях в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке. Нильс Хав вырос на ферме в западной Дании. Сегодня он проживает в Копенгагене.

Заказ № 25
Тираж 500 экз.
Отпечатано
в ООО «Вест-Консалтинг»,
115230, г. Москва,
Хлебозаводский проезд, д.7, стр.9, эт.7, пом. XIV, ком.12